СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XX, № 2.

СЛОВО
О
ДВѢНАДЦАТИ СНАХЪ ШАХАИШИ.

ПО РКП. XV ВѢКА.

Сообщ. А. Н. Веселовскимъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1879.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Февраль 1879 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

СЛОВО О ДВѢНАДЦАТИ СНАХЪ ШАХАИШИ.

По ркп. XV вѣка.

(Сообщ. **А. Н. Веселовскимъ.**)

Памятникъ, древнѣйшій, доселѣ извѣстный текстъ котораго предлагается на слѣдующихъ страницахъ, болѣе извѣстенъ подъ заглавіемъ, съ которымъ онъ сохранился въ спискахъ XVII — XVIII вв.: Слово о снѣхъ Мамеря царя; Сказаніе о 12-ти снахъ Мамера царя; Слово о послѣднихъ днехъ, видѣнія царя Иринея, именемъ Матера, зѣло пречудно и ужасно; Повѣсть, како видѣхъ (sic) царь Матеръ единѡ̏ нощи в҃і сновъ и т. п. Подъ этимъ заглавіемъ оно помѣчено въ Очеркѣ Пыпина (стр. 123 — 4); текстомъ этой редакціи пользовался и я для историко-литературной замѣтки, явившейся нѣсколько лѣтъ тому назадъ[1]). Сообщеніе древняго текста даетъ мнѣ поводъ пополнить и видоизмѣнить мои прежнія сопоставленія нѣсколькими новыми даннными.

Общія отличія древней редакціи Слова (= А) отъ сохранившейся въ позднѣйшихъ спискахъ (= В) состоятъ во 1-хъ) въ именахъ дѣйствующихъ лицъ; во 2-хъ) въ иномъ содержаніи нѣкоторыхъ сновъ. Такъ послѣднее сновидѣніе В представляетъ черты, напоминающія такъ называемыя Откровенія Меѳодія Патарскаго. Если въ этомъ фактѣ я позволилъ себѣ усмотрѣть[2]) признакъ христіанской интерполяціи, то знакомство съ древнимъ

---

[1]) Sagenstoffe aus dem Kandjur, Russische Revue 1876 Jahrg. V, 3 Heft, стр. 291 — 299.

[2]) Sagenstoffe l. c. стр. 298.

текстомъ Слова даетъ поводъ заключить, что она принадлежитъ исключительно редакціи В; что вообще мы имѣемъ право говорить о двухъ редакціяхъ Слова, изъ которыхъ одна (В), до сихъ поръ вращающаяся въ раскольничьей средѣ, отличается замѣтнымъ стремленіемъ усилить религіозно-мистическую окраску видѣнія.

Что касается именъ, то отличіе обѣихъ редакцій состоитъ въ различномъ пріуроченіи первыхъ. Въ новѣйшихъ спискахъ Слова царь названъ Мамеромъ; другое имя его: Ириней представилось мнѣ перенесеннымъ отъ названія города, въ которомъ онъ царитъ: Ірипій, Ириний, Дириній, градъ Аригенескъ (Пыпинъ, l. c.), Ерихонъ — что подтвердилось чтеніемъ древнѣйшаго списка, въ которомъ городъ названъ: Ириньъ, царь — Шахаиша, а Мамеръ — имя философа, толкующаго сны. Въ позднихъ Спискахъ Слова царь и философъ помѣнялись именами: царь носитъ имя Мамера, а философъ названъ: Шеховищь («некоего чл҃ка хитра философа именемъ шеховища». Унд. № 632 л. 300 лиц.), шаховищь (Унд. № 618 л. 80 об.), шахо[ви]щь (сп. Тихонравова: философа хитраго, имя шахощу). Какое изъ этихъ обозначеній древнѣе — трудно рѣшить авторитетомъ, хотя-бы и древней рукописи; результатовъ можно ожидать отъ историко-литературнаго изученія памятника. Легко предположить, что перестановка именъ явилась вслѣдствіи неясно понятаго заглавія статьи: Сны царя истолковывались Мамеромъ, въ этомъ смыслѣ они были Сны Мамера (т. е. истолкованные имъ), а дальнѣйшее премѣщеніе именъ въ текстѣ явилось уже по слѣдамъ этого измѣненія въ заглавіи. Необходимо замѣтить во всякомъ случаѣ, что такое перемѣщеніе встрѣчается, на сколько мнѣ извѣстно, лишь въ тѣхъ текстахъ Сновъ, которые видоизмѣнили содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ, такъ что оба нововведенія представляются намъ совмѣстными, и, можетъ быть, взаимно обусловленными.

Слѣдующій текстъ находится въ рукописи Кирилло-Бѣлозерской библіотеки, нынѣ СПБ. Духовной Академіи, № $\frac{22}{1099}$ (л. 338 а — 341 б). Это — сборникъ XV-го вѣка, составленный изъ раз-

ныхъ тетрадей, довольно небрежно переплетенныхъ; статьи являются безъ начала и конца, листъ 28-й (нынѣшней номераціи) раздѣленъ отъ 37-го, на которомъ читается продолженіе текста. Почерки различаются не только по тетрадямъ, но и внутри ихъ. Изъ хронологическихъ помѣтокъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія: на л. 14 об. Русскій лѣтописецъ доведенъ до Василія Васильевича (1425 — 62); на л. 14 лиц. упоминается смерть императора Константина, убитаго Турками «въ лѣто 6961, мая 29»; на л. 166 лиц. читается на поляхъ такая помѣтка: «Сергїе преставиⷭ҇. в лѣ҃ ,ѕ҃. ц҃еі. мⷭ҇ца. сеⷨпеврїа. к҃е. жиⷭ҇. о҃. лѣ҃. л҃. лѣ҃. игоумениⷭ҇. а никонъ. м҃. лѣ҃. игоуменилъ. потоⷨ сава лѣ҃ (. . . .).» Приписка на поляхъ л. 163 об. доводитъ рядъ игуменовъ Троицко-Сергіевской лавры до Авраамія (1475 — 8), пересчитывая ихъ въ такомъ порядкѣ: «Сергїе. никоⷭ҇. сава. генадеи. досифїе. зиновеи. мартинїаⷭ҇. васїаⷭ҇. спиридоⷭ҇. аврамїе». Наконецъ на л. 440 лиц. обор. сообщается нѣсколько историческихъ фактовъ, начиная съ боя на Піанѣ (1377 г.) и кончая смертью Василія II и поставленіемъ Филиппа митрополита[1]). — Почеркъ, которымъ написаны сны Шахаиши, не новѣе, если не древнѣе почерка

---

[1]) л. 440 лиц. «в лѣ҃ ,ѕѡ҃.пе҃. на пїанѣ бо̀и быⷭ҇. мⷭ҇ца а̀вгоуⷭ҇. с татары. в лѣ҃. ,ѕ҃.ѡ҃.пи҃ быⷭ҇ донское побоище мⷭ҇ца. сеⷨ. и҃. в лѣ҃. ,ѕ.ѡ҃ч. токтамышь москвоу взѧⷭ҇. а̀вгоуⷭ҇. к҃ѕ. в лѣ҃. ,ѕ.ц.ꙁ҃і ѐдегеи̇ воевалъ поⷭ҇ москвою стоѧлъ. г҃. неⷭ҇. а̀ пришеⷭ҇ за неⷭ҇. до николина дн҃и. деⷭ҇кабря. в лѣ҃. ,ѕ҃ц.м҃з. ц҃рь махметь (съ) с҃номъ с мамоутѧкомъ поⷭ҇ москвою стоѧⷭ҇ пришеⷭ҇ іоулїа мⷭ҇ца .г҃. в пѧⷭ҇. в лѣ҃. ,ѕ.н҃г. бои быⷭ҇ кн҃зю веⷭ҇. васиⷭ҇ю василїевиⷱ҇. в соуздалѣ. с мамоутѧкоⷨ. июлѧ. .з҃. тогоⷤ. мⷭ҇ца .д҃і. іоулїа. згорѣ граⷭ҇ москва. и̇ множество люди сгорѣ. гнѣвоⷨ бж҃їимъ. в лѣ҃. ,ѕ҃.ц.нѳ҃. мⷭ҇ца і̇оулїа. в҃. прїидоша татарове поⷭ҇ москвоу. и пожгоша посадъ весь. тогоⷤ д҃ни. прочь ѿстоупиша. а̀ люди множьство плѣниша. а̀ приходиⷭ҇ седимахметевъ с҃нъ мозавша. царевиⷱ҇. в лѣ҃ .,ѕ҃.ц.ѯ҃а. мⷭ҇ца. апрⷭ҇. і҃. погорѣ вноутрь града москвы весь. (л. 440 обор.) в лѣ҃. тоже. июⷭ҇. е҃і. д҃нь преставиⷭ҇ кн҃гини великаа софїа. в лѣ҃. ,ѕ҃.ц҃.ѯ҃ѳ҃. марта мⷭ҇а. въ. л҃а. д҃нь. въ вторⷭ҇ стрⷭ҇тныа неⷭ҇лі. въ в҃. чаⷭ҇. д҃не. престависа їѡна. митропоⷭ҇тъ. в лѣ҃. ,ѕ҃.ц҃.о҃. мⷭ҇ца мра. к҃з. веⷱ҇р. противоу неⷭ҇ли. въ г҃. чаⷭ҇. нощи. д҃-ѧ неⷭ҇л. поста. преставиⷭ҇ кн҃зь веⷭ҇кыⷱ василїе василїевиⷱ҇. в лѣ҃ .,ѕ҃.ц҃.ог҃. ноѧб. а҃і. в неⷭ҇. поставлеⷭ҇. быⷭ҇ филиⷭ҇ митрополиⷱ҇.

этой записи, вѣроятно явившейся по слѣдамъ упомянутыхъ въ ней событій. Это позволяетъ пріурочить текстъ Сновъ не позже какъ къ 70-мъ годамъ XV-аго вѣка.

Списокъ съ кирилло-бѣлозерскаго текста переданъ мнѣ Н. С. Тихонравовымъ, которому я обязанъ сообщеніемъ копіи съ другаго текста Сновъ, находящагося въ ркп. Моск. Дух. Академіи, № 162, начала XVI в., бывшей волоколамской. Въ послѣдней редакціи Сновъ, сходясь существенно съ кирилло-бѣлозерской, развиваетъ её нѣкоторыми новыми подробностями, которыя указаны мною въ варьянтахъ, и озаглавлена такимъ образомъ: Нѣкоего мудреца Ерихоньска, нарицаемаго именемъ Ма(ма)мера, слово о послѣднихъ лѣтехъ и днехъ. — То-же заглавіе и тѣ-же распространенія предлагаетъ Списокъ Сновъ, изданный по рукописи елисаветинскаго времени Обществомъ Любителей древне-русской писменности, № XV (О некоторомъ мудреце ерихонскомъ именемъ Мамера слово о последнихъ днехъ и летехъ). — Къ той-же редакціи принадлежитъ, вѣроятно, и статья въ сборникѣ Царск. № 407, XVII вѣка, судя по имени, которое дано въ немъ царю. Нач. «градъ Аригенескъ, а въ немъ царь Шахаищъ».

I.

(л. 338 а). Бы̑ в нѣкои̑ страна̑ древнихъ. гра̑ бѣ̑ и̑менемъ и̑рийнъ[1]) и бѣ̑ в немь ц̑рь и̑менемъ шахаи̑ша[2]), и̑ видѣ̑ въ е̑диноу нощь. ві̑. сна. и̑ бѣ̑ печаленъ зѣ̀ло, и̑ не бѣ̑ кто̀ разрѣшаа и̑хъ. и̑ ѡ̀брѣте нѣкоѐго философа книжника и̑мене̑ Мамера. и̑ сказа е̑моу вса сны̑ по радоу ѡ̀ко̑ бѣ̑ видѣлъ. И̑ слышавъ мамеръ философъ оу ц̑ра ѡ̀ко̑ е̑моу сказа. и̑ ѿвѣщавъ е̑моу гл̑а. великы̑ ц̑рю шахаи̑ша, тебе нѣ̑ моудрѣи̑ша в мирѣ семь, а̀ сїи снове не соу̑ на та ни въ твое ц̑рство, ни соуть тебѣ. на зло̀, ни твоѐмоу

---

[1]) Волоколамскій списокъ (Влк.): Ирінпъ; списокъ Общ. Люб. Др. Русск. писменности (О. Л. Д. Р. П.): Ерихонъ.

[2]) Влк. Шаханша; О. Л. Д. Р. П. Шиганша.

градоу на пакость. Пакы рє҃ ѥмоу мамеръ философ. црю мдрыи. первы сонъ како еси видѣлъ.

Гла ѥмоу[1]) црь видѣхъ столпъ златъ ѿ землѧ до нбсе стоꙗщь. рє҃ мамеръ, ѡ црю прїиде времѧ то злоѥ ѿ въстока до запада. и по всѣмъ градомъ зло много боуде. и матежь въ всѣхъ чл҃вцѣ. не боудеть права срца ни мысли. и бж҃їа заповѣди не съхранать. дроугъ дроугоу боудеᵀ врагъ. а кнѧз боудеᵀ на кнѧзь. и старѣишины[2]) такоⷤ. и в то времѧ злое не боудеть кто добра смыслити, или сътворити, ꙗзыкоⷨ глеть добро. а въ срци мысли злаꙗ. и пакы врази боудоуᵀ мнози. многа зла сътворѧᵀ. а добра мало. законоу боудоуᵀ (л. 338 b) оучители, а сами по законоу не творѧще. инѣхъ оучаᵀ, а сами не творѧᵀ, бремена налагаю. а сами ѥдинѣⷨ перстоⷨ не прикосноуть. вси боудоуᵀ оутли. а оучащагосѧ нѣ ѡбрѣсти. и боудоуᵀ глади. стихїа премѣнаᵀ ѡбычаꙗ своѧ. ѡсень престоупиᵀ на зимоу. а зима оупадеᵀ на весноу. среди лѣта зима боудеᵀ. и хотащїи сѣꙗти сѣмена. съблазнить и времѧ. занеже неоура(зоу)мѣюᵀ времени подобна. много всѣють и мало пожноу, землѧ мъзды просиᵀ аще не боудеᵀ на неи гноѧ[3]) плода не подасть, лихоимьства ради дроу дроуга. любы престанеᵀ тогда. чада ѡца и мтре не почтаᵀ. ни рода ни ближикъ[4]). ѿ своиˣ градовъ въ иныѧ грады поидоуᵀ, акы ѡбновѧтѣ. и ины жены прїимоуᵀ ѿ блоудниць, чада приживоуᵀ. ѡца и мтрь не помнаᵀ. в тоⷤ времѧ злоѥ. кнзи. и болѧре. и старци. и ратаи. и вси люди коупци боудоуᵀ. землѧ съкратитсѧ. далечны поуть близь боудеᵀ. ветхы ѡбычаи престанеᵀ. и вси велможи боудоуᵀ крамолници, которници. ветхы соудъ престанеᵀ. и соудити имоуᵀ по мъздѣ. с праваго[5]) сѧ поути съвратаᵀ. а не правыи прїимоуᵀ. в тоⷤ времѧ злоѥ слнце премѣниᵀ ѡбычныи поуть. слнце и мць. померкнета. и звѣзды спадоуᵀ. и различнаꙗ знаменїа боудоуᵀ. и звѣзда хво- (л. 339 а)

---

[1]) Ркп. ѥси; Влк. ему.

[2]) Влк. и старейшины и старьци на точныя себѣ. і в то время злое.

[3]) Влк. назему.

[4]) Влк. бліжника; О. Л. Д. Р. П. ближнихъ.

[5]) Ркп. перваго; Влк. праваго.

статаꙗ ꙗ̀витсѧ. шоу́ми, и̂ громи безчинни боудоуть. и̂ земли трѧсенїе. гради падоу^{т} мно́зи. и̂ птици рыбы оумалитсѧ[1]). а̂ о̂воща скоудость боуде^{т}. лѣта и̂ м҃ци съкратѧтсѧ. и̂ потомъ и̇згыбне^{т}[2]) миръ. — Пакы рече мамеръ философъ къ ц҃рю. вторыи̇ сонъ како[3]) е̇си видѣлъ.

Гл҃а е̇моу ц҃рь. видѣхъ с н҃бсе до землѧ, сыръ брюхъ висѧщь. ре҃ мамеръ ц҃реви. е̇гда̀ прїидеть година та́ злаꙗ̀ въ весь миръ. ветхы̏ соу^{д} пристанеть. и̂ ро́ди, и̂ племена ѿ бж҃їа слоужбы оукланѧтсѧ. и̂ никтоже добра сътворить скоупости ра^{ди} брашенныꙗ̀.[4]) свои^{х} племѧнъ ѿлоучатсѧ. и̂ свои^{х} дроуговъ, видѧще и^{х} въ оубожествѣ телеснѣ[5]): и̂ а̀ще видѧть кого ба̂та. и̂ли въ власти к тѣмъ присваи̂ваютъ[6]). и̂ дарове и̂мъ приносѧ^{т} гортани ра^{д} свое̇го. и̂ любовь древнюю свои^{х} сродникъ с чюжими людми держати начноу^{т}. а̂ оубогаго рода забоудоу^{т}. паки ре҃ мамеръ книжни̂ ц҃реви. третїи сонъ како е̂си видѣлъ.

Гл҃а ц҃рь. видѣхъ висѧщи три̏ котлы полны кыпѧща. въ е̂дино^{м} масло. въ дроузѣ^{м} ло̀и[7]). въ третїемъ средне^{м} водоу. да масло кыпѧ въскрапѧшесѧ[8]) въ ло̀и. а̀ ло̀и кыпѧ въскраплѧше[9]) в масло. а̀ среднїи котелъ кипѧше, нъ не въкраплѧшесѧ в него ничто^{ж}. ѿвѣща мамеръ ре҃ ц҃рю. когда̀ прїиде^{т} година та̏ зла̀ꙗ боуде^{т} на е̇диной странѣ силенъ и̇ на дроузѣи̇. а̀ среднїи[10]) е̇динъ оубогїи ро́дъ. да ба̂тыи̇ призывае^{т} ба̂т҃аго. и̇ па́кы ѡ̀нъ (л. 339 b) ба̂ть̏ призывати начне^{т} ба̂та^{же}. а̂ съ̏[11]) оубогы̏ среди и^{х} не и̇ма^{т} ничто^{ж} миноую^{т} е̇го. вси же ч҃лци боудоу^{т} лицемѣри. и̂ вси̏ начноу^{т} ска-

---

[1]) Влк. птицъ и рыбъ умалиться.
[2]) Ркп. избыбне҃; Влк. изгибнетъ.
[3]) Ркп. какое; Влк. какъ.
[4]) О. Л. Д. Р. П. богати своихъ.
[5]) Ркп. телеснѣй; Влк. тѣлеснѣ.
[6]) Влк. с тѣмъ присвояются.
[7]) Влк. алои.
[8]) Ркп. въскрапѧщесѧ; Влк. въкрапляшеся.
[9]) Влк. въкрапляшеся.
[10]) Влк. среді.
[11]) Влк. сеи.

редно жити. и̓ владѣти всѣмъ миро^{м}, никтоже рода своего ни племени ни оубога соуща взыще^{т}. моужъ женоу прїимъ, ѡ҆ц҃а и̓ м҃трь оуничижи^{т}. и̓ прочїи родъ свои. а̓ жены свое(ѧ) родъ възлюби^{т} [1]). и̂ послѣдоуе^{т} женѣ своеи въ все^{м}. тогда в тысѧщи женъ не ѡ҆брѧщетсѧ ни е̓дина жена ч҃та, ли [2]) посѧгне^{т} за свои̓ моужъ ч҃та жити с нимъ. И ре҃ мамеръ филосо^{ѳ} ц҃рю. четверты̑ сонъ како е̓си видѣлъ.

Гл҃а ц҃рь. (видѣхъ) [3]) кобылоу староу съ жребѧтемъ. и̓ ѡ҆рь бронъ накоупь травоу ꙗ̓доущь да ѡ҆рь травоу. тережа. даꙗ̓ше кобылѣ. а̓ жребѧ лизаа̓ше ѡ҆рь. ѿвѣща филосо^{ѳ}. ѡ҆ ц҃рю е̓гда прїиде^{т} година та̑ злаꙗ̓. м҃ти свою дщерь вдасть на блоу^{д}. чоужемоу моужу своего ра^{ди} гортани дабы сы́та была. сестра сестроу ноудити начнеть на дѣло зло̀е. м҃ти свою дщерь водити начне^{т} къ блоуженїю и̂ сама двери оучнеть стеречи присѣдѧщи и̂ не стыдѧщи̂. сноха не стыдитсѧ свекра ни свекрови [4]). тогда в тысѧщи женъ не ѡ҆брѧщетсѧ .і҃. женъ чисты^{х}. се^{д}ми лѣ^{т} дѣвою не ѡ҆брѧщетсѧ ч҃та. Пакы ре҃ мамеръ. ц҃рю, пѧтыи̓ со́нъ како е̓си видѣлъ.

Гл҃а е̓моу ц҃рь. видѣхъ си́це, ꙗко е̓дина щеница бережа лежаа́ше на гнои̂щи. и брешоущи. и̓ въ чре- (л. 340 а) вѣ е̂ѧ брехахоу щенѧта. ре҃ мамеръ ѳилосо^{ѳ}, ѡ҆ ц҃рю е̓гда прїиде^{т} времѧ то̀ злоѐ. ѡ҆ц҃и начноуть оучити чада своѧ разоумоу доброу, и̂ ѡ҆ни не послоушаю^{т} и̓хъ. и̂ оукарѧти и̂хъ начноу^{т}, рекоуще стары

---

[1]) Влк. (възлюбитъ) и забудетъ люди своя и въслѣдуетъ женѣ, а жена получивши юнъ мужъ и укланятіся имать отца (О. Л. Д. Р. П. ѡтъ отца) и матере и въслѣдуетъ мужю, да яко (О. Л. Д. Р. П. паки) любящи мужа своего ни (О. Л. Д. Р. П. и инъ) обрящетъ юнеиша того и забываетъ прежняго мужа своего и поідетъ въ слѣдъ юнейшаго оного и забудетъ отца и матерь и сыны и дщери первыи. токъмо мужу прілѣпится. тогда въ тысящѣ женъ....

[2]) Влк. да.

[3]) Влк. видѣхъ.

[4]) Влк. (свекрове), мужа чужаго родомъ своимъ сътворить (ркп. сътвоить, О. Л. Д. Р. П. сотворитъ), да аще кто ся въпроситъ, отвѣщаетъ: се есть мужъ мои. тогда въ тысящи женъ не обрящется ни десяти женъ чистыхъ да посягнетъ дѣвою (ркп. двою; О. Л. Д. Р. П. двою) за мужь, всі безсрамни будутъ і чужімъ мужамъ сами ся прилѣпятъ, семи лѣтъ не обрящется дѣвка чиста.

ѐсте, и҃ себѣ не смыслите. и҃ оуслышавше то̀ ѿци и҃хъ оумолкноу[т] ѿ срама. ре҃ филосо[ѳ]. цр҃ю. шесты҃ сонъ ка́ко ѐси видѣлъ.

И҃ г҃ла е҃му цр҃ь. ви́дѣхъ множьство ї̀ереи, в калъ впадша до горла. и̓ горцѣ вопїюще не могоуще вылѣсти. и̓ ре҃ книжни҃. цр҃ю послоушаи̓, ѐгда̀ прїидеть година та҃ злаꙗ҆. всѣхъ начноуть оучити законоу. а̓ сами закона не брегоуще. ходать. и̓ оученїе разоумоу разора[т], и̓мѣнїа ради и̓ пища вмѣта̀юще д҃ша своꙗ[1]) въ ѿгнь вѣчныи̓. и҃ пакы ре҃ мамеръ цр҃ю. се[д]мы҃ сонъ како е̓си видѣлъ.

Г҃ла е̓моу цр҃ь. видѣхъ ко́нь красенъ ꙗ҆доущь травоу двѣма главама. е̓дина б҃ѣ спреди. а̓ дроугаꙗ назади. и҃ ре҃ мамеръ. цр҃еви ѐгда̀ приидеть времѧ то҃ злѡе, кн҃зи и҃ соудїа и҃ старци соудити начноу[т] не по правдѣ. нъ по м̓здѣ. б҃а сѧ небоꙗще, ни ч҃лкъ срамлѧющесѧ. сами сѧ мещоуще въ тмоу кромѣшноую. оу праваго и҃ оу виноватаго посоулы вземлюще. и҃ ре҃ ѳилосо[ѳ] цр҃ю. ѿсмы҃ со́нъ ка́ко ѐси видѣлъ.

Г҃ла емоу цр҃ь. видѣхъ по вселенѣи̓ бѧше рассыпано каменїи драгы[х] мно́-(л. 340 b) жьство. и҃ бисеръ, и҃ женчюгъ. и҃ всѣхъ различны[х] оузорочїи. и̓ прїиде ѿгнь великъ и҃ пожже все҃. и̓ ре҃ мамеръ филосо[ѳ] [2]). цр҃ю е̓г[д]а прїиде[т] година та҃ злаꙗ̓ вси҃ ч҃лци коупци будоу[т]. б҃атїи и оубозїи. лжею, и҃ клѧтвою и̓ лестїю стѧжю[т] б҃атьство много. а̓ тѣмъ б҃атьствѡ[м] ни боу҃ ouслоужать. ни д҃ши своеи помогоуть. ни оубогимъ[3]), в мало времѧ възра[д]уютсѧ ѿ и҃мѣнїи томъ събранно[м] съ грѣхомъ. и҃ то и҃мѣнїе ше[д]ше погребоу[т] в горѣ, и҃ прїидоуть татїе и҃ възмоуть е҃. и҃ боуде[т] плачь великъ. И ре҃ мамеръ книжни[к] цр҃еви. девѧты҃ со́нъ како ѐси видѣлъ.

Г҃ла цр҃ь, видѣхъ ꙗ҆ко многы[м] ремествеником[м] принесоша дѣла своѧ лю[д][м]е, да́юще дѣлати и̓з наи̓ма кож҃о е̓же хотѧаше. злато[м] и̓ сребро̀[м]. и̓ мѣдїю[4]). и̓ порты, пакы прїидоша просити свое̓го. и̓ не ѿбрѣтоша ничто[ж]. ре҃ филосо[ѳ] разоумѣи цр҃ю, ѐгда̀ прїидеть времѧ то злѡе б҃атїи людїе принесоуть и҃мѣнїа своѧ дроугомъ сво-

[1]) Ркп. д҃ша ꙗ; Влк. душу свою; О. Л. Д. Р. П. своя.

[2]) Ркп. и мамеръ ре҃ филосо[ѳ]; Влк. и рече м. фулософъ.

[3]) Ркп. оугимъ; Влк. убогимъ.

[4]) Влк. имѣнью; О. Л. Д. Р. П. имение.

и^м на съхраненїе. ѡ҆ни же слы́шавше ꙗ҆ко даѐть и҆мъ и҆мѣнїа своꙗ̀ възра^дуютсѧ велми. пакы же по дн҃ехъ нѣколицѣхъ прїидоу^т своѐго просѧ положеноѐ [1]), и҆ не дадѧть и҆мъ ничтоже вмѣтающе дш҃а своѧ въ ѡ҆гнь [2]). ре҃ маме^р, книжни҃. ц҃рю. десяты҃ со́нъ ка́ко ѐси видѣлъ.

Гл҃а ѐмоу ц҃рь. видѣхъ .г҃. жены съше^дша съ степени с высоты. по земли хо-(л. 341 а) дѧща зло҃ѡ҆бразны соуща. ре҃ мамеръ вѣды҃ боуди ц҃рю когда [3]) прїиде^т година та́ злаꙗ весь миръ боудоу^т вълсви. и҆ ходити начноу^т неи҆стово, всѧ҃ лю^ди прельстѧть, лжами величающесѧ. пакы ре҃ маме^р къ ц҃рю. а҃і. со́нъ ка́ко ѐси видѣлъ.

Гл҃а ѐмоу ц҃рь. Видѣхъ .г҃. дѣвкы зрачны ходѧща. възрасто^м лѣпы в верстоу .е҃і. лѣ^т. соущи. различны вѣнца носѧща на глава^х и҆ въ роука^х. и҆ бл҃гоюханныѧ цвѣтца держаще, се ѐсть бж҃їа волѧ держанїе и҆хъ. ре҃ философ ѡ҆ ц҃рю, ѐгда̀ прїидеть времѧ то́ злоѐ, вси҃ лю^дие боудоу^т скоупи. и҆ лживи. никто^ж боуде^т гл҃ѧи҃ пра́во. ни кротости сътворѧ^т ѡ҆каа́ннїи, нъ сверепїи. мздои҆мци. таково боуде^т времѧ то́ злоѐ. видѧщи жена своѧ чада мр҃тва лежаща не въсплаче^т. мт҃и видѧщи дщерь свою мр҃твоу не въстоужи^т. братъ на брата враждоуе^т. видѧщи жена см҃рть моужа своѐго не сжалитси. братъ братъ самъ оубїеть. оубогъ моужь сло́во ре҃ть моудро зѣло, не слоушаю́ть ѐго, нъ и оу҆корѧ^т ѐго. а҆ ба҃тъ моу^ж слово ре҃ть а҆ще и҆ безоумно велми, не лѣпо ѐсть и слышанїю чл҃чю. то вси҃ послоушаю́ть ѐго и҆ моудра взываю́ть ѐго. и҆ па́кы ре҃ мамеръ ц҃реви. вторы҃ на десѧ^т со́нъ како ѐси видѣлъ.

Гл҃а ѐмоу ц҃рь. Видѣхъ люди ꙗ҆ко оу мнозѣхъ бѧхоу тѣсна ѡ҆чеса. власы въ въстрень [4]), нокты великы, соуровы соуща. сїи соу^т слоужащей дїаволоу. и҆ рече (л. 341 b) мамеръ послоушаи҆ ц҃рю. когда̀ прїиде^т година та́ злаꙗ̀. бо҃тїи попероу^т [5]) оубогыа,

---

[1]) Влк. положеного.

[2]) Влк. адъ.

[3]) Ркп. тогда; Влк. когда.

[4]) Влк. въ встренъ; О. Л. Д. Р. П. власы восторганы.

[5]) Ркп. пепероу҃; Влк. попѣрутъ; О. Л. Д. Р. П. поберутъ.

мно́га мѧтежа и҆ насилїа въстане^{т}. и҆ сїи лю^{дие} възгл҃ють си́це. почто преже̑ сего не оумрохо^{м}. да сїа злы̀а дн҃и видѣхо^{м} конечныа. болозе тѣмъ и^{ж} кромѣ сихъ дн҃еи добро сътворѧть. и҆ д҃шю свою сп҃соуть, и҆ въ ѡ҆гнь вѣчны̀ не впадноу^{т}. паче бо всего а҆ще кто̀ мил̑стыню подаѐть. ни на своѐго брата не враж^{д}оуѐтъ. ни своего имѣнїа хранить. нѣ̑ бо̀ ти̑ пороты[1]) ѡ҆ томъ[2]).

И по скончанїи показанїа сего. и҆ пото^{м} поклонсѧ мамеръ книжнїкъ ша(ха)иши ц҃рю. и гл҃а ѐмоу тако стотысѧщны̀ рабъ ѐсмь. и҆ пакы гл҃а ц҃реви, сего чтенїа и҆ толкованїа и҆ раз^{д}рѣшенїа боуде^{т} в послѣднеѐ времѧ злое̑, ꙗко^{ж} гл҃ахомъ. И҆ н҃нѣ ц҃рю великый молютисѧ грѣшны̀ а҆зъ, не боуди ты̀ повиненъ. и҆ ѿиде въ своѧ си̑. а҆ми́нь.

II.

Отличія въ содержаніи Сновъ, представляемыя редакціей В, легко усмотрѣть изъ слѣдующей передачи ихъ содержанія[3]).

Первый сонъ. Отъ земли до неба золотой столбъ, а на столбѣ голубь; столбъ разрушился, голубь улетѣлъ въ небо, а на его мѣсто спустился воронъ, сталъ зобать золото; пришли звѣри дикіе, ехидны и змѣи. — Это значитъ, придутъ времена злыя и година лютая, отъ востока и до запада зла много исполнится, будетъ мятежъ по всей землѣ, не будетъ правды и мысли доброй, люди другъ другу будутъ враги и прольется кровь человѣческая; отецъ возстанетъ на сына, судья на судью и сосѣдъ на сосѣда. И не будетъ добра въ людяхъ: языкомъ будутъ говорить добро, а на сердцѣ мыслить злое. Сама природа измѣнитъ обычай свой: лѣто и осень переступятъ въ зиму, зима впадетъ въ весну, среди

---

[1]) Влк. О. Л. Д. Р. П. породы.

[2]) На этомъ кончается текстъ О. Л. Д. Р. П.

[3]) Оно сообщается въ пересказѣ М. И. Сухомлинова (О преданіяхъ въ древне-русской лѣтописи, Основа 1861 г., Іюнь, стр. 54—56). Кромѣ того я пользовался двумя списками Сновъ, изъ собранія Ундольскаго, № 618 и 632, XVII вѣка, и двумя списками, новаго письма и той-же редакціи, сообщенными мнѣ Л. Н. Майковымъ и Н. С. Тихонравовымъ.

лѣта будетъ зима, жестокіе морозы и студь съ яростью. Люди захотятъ сѣять и не узнаютъ времени, много посѣютъ и мало пожнутъ. Земля не дастъ плода ради лихоимства человѣческаго. Вельможи будутъ крамольники, судьи неправедные, станутъ судить по корысти, богатаго оправдаютъ, бѣдняка обвинятъ. Не только судьи, — сама земля станетъ брать взятки (мзду): не дастъ плода, пока не удобрятъ ее навозомъ.

Второй сонъ. Съ небеси сырое брюховище виситъ, а съ земли псы лаютъ, а щенята брешутъ. — Это значитъ, когда придетъ то злое время, исчезнетъ родственная любовь и пріязнь. Къ живущимъ въ богатствѣ станутъ присвояться и приносить дары ради гортаней своихъ. Любовь древнюю отъ своихъ и сродниковъ отлучатъ; начнутъ съ чужими людьми держать любовь, а родъ свой и прежнихъ друзей забудутъ.

Третій сонъ. Три котла висятъ надъ однимъ огнемъ; въ одномъ кипитъ вода, въ другомъ воскъ, въ третьемъ масло. Воскъ каплетъ въ масло, масло брызжетъ въ воскъ, а въ воду не попадаетъ ни одной брызги ни отъ масла, ни отъ воска. — Это значитъ, что въ послѣднія времена бѣдняки будутъ жить между богачами; богачи будутъ посѣщать другъ друга и угощать роскошными яствами, а убогаго и нищаго никто не призоветъ и не накормитъ.

Четвертый сонъ. Видѣлъ старую кобылу, а жеребята играютъ и лижутъ кобылу. — Это значитъ, матери приведутъ своихъ дочерей къ чужимъ мужьямъ, сестра сестру и сноха сноху будетъ подстрекать къ грѣху и въ семь лѣтъ не найдется ни одной чистой дѣвушки.

Пятый сонъ. Щеница бережая лежитъ на гноищи, а въ чревѣ ея брешутъ щенята. — Это значитъ, въ то злое время отцы станутъ учить дѣтей своихъ доброму разуму, а дѣти ихъ не послушаютъ, укорятъ отцовъ глупостью, скажутъ: вы старики, жили не смысля, а мы станемъ своими разумами умышлять.

Шестой сонъ. Видѣлъ страхъ великій и содрогнулся: видѣлъ множество верблюдовъ и дикихъ звѣрей, страшныхъ ви-

домъ, двуглавыхъ и троеглавыхъ; иные хромаютъ, другіе скрежещутъ зубами, вертятъ хвостомъ, кивають головою, высовываютъ языкъ, скачутъ, вертятся. И стали рвать траву и деревья, рыть когтями землю и бросать на людей. Но сошелъ пламень огненный и истребилъ чудовищъ. — Дикіе звѣри значитъ лихоимцы, двуглавые и треглавые — лжецы и клеветники, хромые — значитъ уклоняющіеся на злыя дѣла, скрежещутъ зубами — значитъ съѣдаютъ злыми дѣлами; вертятъ хвостомъ и кивають головою — льстецы говорятъ доброе, а думаютъ злое, сами себя губя; языкъ высовываютъ и скачутъ — какъ бѣсы вертятся люди; вырываютъ траву и деревья — искореняютъ добрыя мысли. Огонь истребитель — гнѣвъ Господа, который, не терпя злобы, погубитъ злыхъ людей.

Седьмой сонъ. Іереи, впадающіе въ илъ, кричатъ и не могутъ вылѣзти. — Это значитъ, что іереи нѣкоторые начнутъ жить нечисто; ради мзды и страха будутъ прощать грѣхи, не подвергая согрѣшившихъ эпитиміи.

Восьмой сонъ. Много людей проливаютъ молоко и потомъ собираютъ его. — Это значитъ, въ послѣднія времена люди станутъ давать милостыню убогимъ и потомъ захотятъ взять ее назадъ.

Девятый сонъ. Красивый конь ѣстъ траву двумя горлами: переднимъ и заднимъ. — Значитъ: князья и судьи и старѣйшины начнутъ судить не по правдѣ, а для прибытка, и брать посулы и у праваго и у виноватаго.

Десятый сонъ. По всей вселенной разсыпано много драгоцѣнныхъ камней, и пришли разсыпавшіе и ничего не могли найти. — Значитъ: нападетъ на богачей великій страхъ, они станутъ отдавать имѣніе свое друзьямъ и сосѣдямъ на сохраненіе, и въ скоромъ времени потребуютъ назадъ и не найдутъ того, что отдано ими для сбереженія.

Одинадцатый сонъ. Видѣлъ гору высокую и на ней камень самоцвѣтный, гора разсѣлась и камень погибъ. — Значитъ: одно

правовѣрное царство отпадетъ отъ вѣры и раздѣлится на двѣ доли, и Божія правда не вспомянется въ то время.

Двѣнадцатый сонъ. Скажи мнѣ, братъ философъ, послѣ всѣхъ бѣдъ, какое будетъ скончаніе царствамъ и землямъ? Философъ отвѣчаетъ: въ прежнія лѣта пророкъ Гедеонъ изгналъ въ пустыню восемь племенъ; они выйдутъ въ послѣдніе дни и поплѣнятъ всю землю, и дойдутъ до Рима великаго, и будетъ сѣча злая. И пойдутъ передъ ними четыре язвы: пагуба, погибель, плѣнъ и запустѣніе. Тогда мужья начнутъ одѣваться въ блудныя одежды и украшать себя подобно женамъ; у одной жены будетъ нѣсколько мужей; сынъ, отецъ, братъ будутъ мужьями одной и той-же женщины . . . . . . И предана будетъ земля Перская во тьму и въ погибель, Арменія отъ меча погибнетъ, Ассирійская земля опустѣетъ и владыки греческіе въ бѣгство и въ плѣненіе впадутъ. И не будетъ живущихъ въ Египтѣ, и въ Ассиріи и въ поморіи, и въ восточныхъ странахъ, и въ другихъ; всѣ человѣки въ погибель и плѣнъ будутъ расхищены, и грады многіе разорятся.

Съ содержаніемъ послѣдняго сна необходимо сличить слѣдующіе отрывки изъ Слова Меѳодія Патарскаго (Тихонравовъ, Памятники отреч. русск. лит. II стр. 216, 220 — 1): «и́ свободиса і̑зр҃ль ѿ работы сн҃въ и́змаилевѣхъ. Съи́ бо Гедеѡнъ съсѣче плъкы ихъ. и́ ѿгна ихъ ѿ въселе́нныѧ въ поустынѧ е̔ѳрївъскѫѫ, и́з неѫже бѣхѫ. и́ о́став'ше в҃ї колѣнъ, о́бѣты сътворишѫ къ і̑зр҃лтомъ и́ изыдошѫ въ поустынѧ вънѧтрънѫѫ, колѣна ѳ҃. хотѧтже е́диноѫ и́зыти и́ ѡпоустити въсѧ земѧ. прѣѧти же и страны въсѧ . . . . и́ ѿ сѣвера до Рима . . . . прѣдипоидѫтже прѣд ними на землѧ ꙗ̓звы .д҃. пагоуба. гоубительство. тлѣ и́ запоустѣнїе . . . . о́блачахѫсѧ мѫжїе въ любодѣивыхъ женъ и́ блѫдны их ризы. и́ ꙗко жены себе оу̑крашаахѫ. и́ стоахѫ по дроумовохъ и́ тръгохъ градскыихъ. ꙗ́вестъвнѣ прѣмѣнивше естьстъвныи о̑бразъ въ чрѣзъе̑стьстъвныи. и́ ꙗкоже рече ст҃ыи ап҃лъ. такожде гл҃ѧ и́ жены тажде дѣѫтъ ꙗже и́ мѫжїе. Събираахѫ бѡ сѧ над единоѫ женоѫ, о̑ц҃ъ въкоупѣ и́ сн҃ъ. е̓ще же и́ въсе сродъство ихъ. не

вѣдоми бѡ бѣхѫ блѫдницами. . . . И́ прѣдастъсѧ землѣ персидскаа въ тлѣнїе и́ погыбѣль. и́ живѫщеи на неи въ расплѣненїе и́ закланїе бѫдѫтъ. А̂рменїа и́ живѫщеи на неи въ расплѣненїе и́ закланїе прѣдадѧтсѧ и т. д.

Прежде чѣмъ приступить къ сравненію редакцій А. и В. со стороны ихъ состава, необходимо замѣтить, что въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ сходятся, онѣ представляютъ существенно одинъ и тотъ же текстъ, лишь нѣсколько подновленный въ В. Это обстоятельство можетъ дать поводъ къ двоякому предположенію: а) либо А. и. В восходятъ къ одному болѣе древнему, церковнославянскому тексту, содержавшему Сны, общіе той и другой редакціи (8 или 9), такъ что отличія ихъ въ остальныхъ Снахъ слѣдовало-бы вмѣнить самостоятельному почину редакторовъ А. и В., сходство текста — ихъ общему подлиннику. Но такой подлинникъ (который слѣдовало-бы отнести, судя по древности кирило-бѣлозерскаго списка, по крайней мѣрѣ къ XIV — V вв). намъ пока не извѣстенъ, и мы едва-ли не вправѣ удовлетвориться другимъ предположеніемъ b), что сходство и отличія А. и В. слѣдуетъ объяснить изъ ихъ взаимныхъ отношеній, такъ что одинъ текстъ послужилъ источникомъ другому. Выше было замѣчено, что редакція В. отличается замѣтнымъ усиленіемъ религіознаго колорита; термины христіанской эсхатологіи встрѣчаются съ первыхъ страницъ: философъ увѣряетъ царя что «сны сіѧ ѡ послѣднихъ днехъ ѡсмыѧ тысѧщи, ѡ ц҃рѣхъ и ѡ кн҃зехъ и ѡ всемъ мире» (по ркп. Н. С. Тихонравова). Если В. ничто иное какъ христіанская парафраза А., то подобная зависимость достаточно объясняетъ и сходство въ изложеніи той и другой редакціи.

Обратимся къ содержанію Сновъ.

Первые пять №№ А. отвѣчаютъ по содержанію и толкованію, а также и по послѣдовательности, въ которой они являются, первымъ 5-го №№ В., при чемъ въ 1 В. есть черты отсутствующія въ 1 А. Находились-ли онѣ въ древнемъ подлинникѣ? Я разумѣю подробности о голубѣ и воронѣ и т. п., тогда какъ 1 А. ограничивается видѣніемъ золотого столба, мало приготовляющимъ къ послѣ-

одующему толкованію сна. «Прїиде времѧ то̏ злоѐ ѿ въстока до запада», говоритъ Мамеръ, и «не боудеть права ср^д^ца ни мысли», «ветхы̏ соудъ престане^т^ и̂ соудити и̂моу^т^ по мъздѣ, с праваго сѧ поути съвратѧ^т^ а̂ не правыи прїимоу^т^». Образы голубя, возлетающаго на небо и уступающаго мѣсто ворону, въ сопровожденіи котораго являются дикіе звѣри и змѣи — развиваютъ подробнѣе символику А., приготовляя слѣдующее толкованіе: это образы правды, взятой на небо, и кривды, оставшейся на землѣ — представленіе, популярное въ русской народной поэзіи, почерпавшей свои сюжеты въ апокрифической писменности. Палея такъ разсказываетъ о загадкѣ, посланной Даріемъ Соломоноу: «В' то^ж^ в'ремя. Дареи̂ ц҃рь пе^р^скїи̂ прис'ла к' Соломону ц҃рю зага̃коу написавъ. стои̂тъ щи̃. а̂ на щитѣ заѐць. и̂ прилетѣ^в^ соко^л^ взѧ^л^ заѐць. и̂ тоу̏ седѣ сова. И̂ ре̏. сиѧ̂ ѿгонеши да^м^ ти три̏ кади среб'ра. Соломѡ^н^-же проч'те писа^н^ѐ и̂ съз'ва бѣсы̂ и̂^ж^ емоу̂ служахоу̂. и̂ рече и^м^. а̂ще к'то ѿгоне^т^ сию̂ зага^д^коу да^м^ ѐмоу̂ т'ретиноу с'ребра. и^ж^ ми ѡ̂бѣща ц'рь Дареи̂. И ре̏ бѣсъ ѡ̂б' одно^м^ ѡ̂цѣ̏. щитъ зе^м^лѧ, а̂ на щитѣ заѐць пра^в^да. а̂ и̂же взѧ соко^л^ заѐць. то̏ взѧ^л^ а̂нг҃лъ прав^д^оу на небо. и̂ тоу̏ седѣ сова. си̏ре̏ крив'да. прав^д^а же бы̏ взѧта на небо. а̂ на зем'ли ѡ̂сталася крив^д^а» [1]). Въ одномъ спискѣ Бесѣды Трехъ Святителей [2]) та-же загадка сокращена въ формахъ вопроса и отвѣта: «Вопросъ: что есть бѣлъ щитъ, а на бѣлѣ щитѣ заецъ бѣлъ: и прилетѣ сова и взя зайца, а сама ту сяде? — Отвѣтъ: Бѣлъ щитъ есть свѣтъ, а заецъ правда, а сова кривда». — Извѣстно, что русскій духовный стихъ о Глубинной книгѣ разработалъ этотъ эпизодъ о Правдѣ и Кривдѣ, понявъ его ближе какъ борьбу Правды съ Кривдою, которыя то являются отвлеченіями (Безсоновъ, Калѣки I № 78; сл. №№ 77 и

---

[1]) Тихонравовъ, Памят. Отреч. русск. лит. I 269.

[2]) Буслаевъ, Очерки II стр. 20 прим. 1. Сл. Пам. стар. русск. литер. III стр. 177: «Что есть: стоитъ бѣлъ щитъ, а на немъ сидитъ соколъ, и прилетѣла злая сова и отгнала сокола». Толкованіе то-же.

88), то въ образѣ юношей (ib. № 83), но иногда сохраняютъ символическія черты палейнаго сказанія: тогда онѣ изображаются бѣлымъ и сѣрымъ зайцами (l. c. № 76, № 81; сл. № 80):

Кабы бѣлой заецъ, кабы сѣрой заецъ,
Кабы бѣлой заецъ одолѣть хочетъ.
. . . . . (l. c. № 76).
Какъ бы сѣрой бѣлаго приодолѣлъ:
Бѣлъ пошелъ во чисто поле,
А сѣръ пошелъ во темны лѣса (№ 81);

или просто звѣрьми лютыми (ib. № 82; сл. №№ 84, 86, 87). Володиміръ князь говоритъ Давиду:

Мнѣ ночесь, сударь, мало спалось,
Мнѣ во снѣ много видѣлось:
Кабы съ той страны со восточной,
А съ другой страны съ полудённой,
Кабы два звѣря собиралися,
Кабы два лютые собѣгалися,
Промежду собой дрались-билися,
Одинъ одного звѣрь одолѣть хочетъ,
А одинъ отъ одного звѣря отступается.
Возго́ворилъ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Ессеевичъ:
«Это не два звѣря собиралися,
Не два лютые собѣгалися,
Соходились это Правда со Кривдою,
Промежду собой бились-дрались.
Кривда Правду одолѣть хочетъ;
Правда отъ Кривды отступилася:
Правда у насъ пошла на небеса вся,
А Кривда пошла у насъ вся по всей землѣ,
По всей землѣ по свято-руской,
По всему народу христіанскому.
Отъ Кривды земля всколыбалася. (№ 87).

Что вознесеніе Правды на небеса представлено ея побѣдой — это несомнѣнно поздняя черта, долженствовавшая смягчить болѣе древнія отношенія, въ которыхъ побѣдительницей являлась Кривда, занимавшая на землѣ мѣсто удалившейся Правды. Такъ

въ Палеѣ, въ Бесѣдѣ Трехъ Святителей и въ первомъ Сновидѣніи нашего памятника; только въ послѣднемъ символика другая: золотой столпъ отвѣчаетъ щиту, голубь — зайцу, сова — ворону, символу темнаго начала въ библейскомъ разсказѣ о Ноѣ — и въ своеобразномъ пересказѣ притчи объ единорогѣ, встрѣчающемся въ русскихъ рукописяхъ [1]). Замѣтимъ не лишенное интереса соотвѣтствіе между Стихомъ о Глубинной книгѣ и нашимъ текстомъ: Владиміру видится во снѣ два звѣря, сбѣгающіеся съ восточной и полуденной стороны и борящіеся другъ съ другомъ; Давидъ толкуетъ ему видѣніе: это — Правда и Кривда, правда пошла на небеса, кривда по землѣ. Шахаиша видитъ во снѣ голубя и ворона, голубь взлетѣлъ на небо, воронъ занялъ его мѣсто Мамеръ толкуетъ, что придетъ время злое отъ востока до запада и правда исчезнетъ на землѣ.

Слѣдующіе два Сна А. 6 и 7 отвѣчаютъ двумъ снамъ В., только здѣсь они слѣдуютъ не по ряду съ предъидущими: 6 А. = 7 В., 7 А. = 9 В. Содержаніе послѣдняго извѣстно въ литературѣ Вопросовъ и Отвѣтовъ. Такъ читаемъ въ одномъ спискѣ [2]): Вопросъ: Что есть, конь ходитъ и отаву грызетъ двѣмя головами? — Отвѣтъ: Судія мздоимецъ съ обоихъ сторонъ посулы беретъ.

8-й и 9-й А. кажутся мнѣ неловко сплоченными въ 10 В. — 8 А: драгоцѣнные камни разсыпаны по землѣ, великій огнь пожираетъ ихъ: люди будутъ стяжатели, но недолго возрадуются объ имѣніи, собранномъ съ грѣхомъ. Они схоронятъ его въ горѣ, но придутъ тати и возьмутъ его. — 9 А. Люди приносятъ ремесленникамъ золото и серебро и мѣдь и порты, «дающе дѣлати изъ найма», и когда пришли просить своего, ничего не обрѣли: богатые люди принесутъ имѣніе свое на храненіе друзьямъ своимъ, но когда по прошествіи нѣсколькихъ дней потребуютъ его обратно, тѣ не дадутъ имъ ничего. —

[1]) Толст. № 214, XV в.; Кир. Бѣл. = СПБ. Дух. Ак $\frac{22}{1099}$, XV в.

[2]) Памят. стар. русск. Литер. III, 176.

= 10 В.: по всей вселенной разсыпаны драгоцѣнные камни; пришли разсыпавшіе ихъ и не обрѣли ихъ. Слѣдуетъ толкованіе какъ въ 9 А. Несоотвѣтствіе между содержаніемъ и истолкованіемъ сна въ 10 В. едва-ли допускаетъ предположеніе, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ первичной формой текста, разбившагося, на оборотъ, на 8 А и 9 А.

Такимъ образомъ 9 первыхъ №№ А отвѣчаютъ № 1 — 5, 7, 9, 10 В. Въ остальныхъ снахъ обѣ редакціи расходятся другъ съ другомъ. Что вызвало замѣну однихъ сновъ другими — на это мы находимъ лишь общій отвѣтъ въ христіанско-эсхатологическомъ характерѣ редакціи В. Подборъ новыхъ видѣній могъ опредѣлиться этимъ направленіемъ: № 6 напоминаетъ своимъ стилемъ видѣнія демонологическаго житія и, вѣроятно, оттуда заимствовалъ свои образы; о 8-мъ я могу лишь сообщить, что онъ встрѣтился мнѣ только въ пересказѣ М. И. Сухомлинова, и въ рукописяхъ второй редакціи, которыя мнѣ случилось просмотрѣть, мнѣ не попадался. Рукописи эти ограничиваются количествомъ одиннадцати сновъ, такъ что первые семь №№ у нихъ общіе съ пересказомъ М. И. Сухомлинова, слѣдующіе 8 — 11 №№ отвѣчаютъ послѣдовательно его 9 — 12 №№. Такъ какъ послѣдній № редакціи В въ сущности выходитъ изъ разряда сновидѣній, являясь пророчествомъ о послѣднихъ дняхъ, то можно предположить, что число сновъ, принятыхъ въ эту редакцію, было первоначально 10, и что лишь перескащикъ текста, сообщеннаго М. И. Сухомлиновымъ, сблизилъ его внѣшнимъ образомъ съ редакціею А, вставивъ лишній сонъ (8-й по его счету) и зачтя заключительное пророчество въ рядъ сновидѣній, что довело ихъ число до 12.

Что до послѣднихъ №№ редакціи В (11 и 12 по пересказу М. И. Сухомлинова), то рука христіанскаго перескащика сказалась въ нихъ особенно явственно: въ 11-мъ образъ распавшейся горы примѣненъ къ распаденію какого-то православнаго царства; на источникъ эсхатологическихъ представленій послѣдняго № указано было выше: это пересказъ Меѳодіевскихъ про-

рочествъ, обошедшійся даже безъ аллегорическихъ образовъ, присущихъ остальнымъ видѣніямъ.

Изъ сказаннаго выяснилось достаточно, что древнѣйшія нынѣ достижимый текстъ нашей статьи представляется редакціей А: за руссизмами (стеречи, бережа: брѣжда; сл. тережа = *трьжа = тръгны; пепероутъ вм. попероутъ; болозе) и поздними грамматическими формами (снове и сны; цареви и царю; дарове; матере и матерь вин. ед.; сл. также: стажютъ), принадлежащими, быть можетъ, переписчику, лексиконъ указываетъ на значительную древность языка: замѣтимъ м. проч.: ближикъ, ѡрь бронъ (equus albus. Miclosich, Lex. подъ этими словами [1]); верста (въ смыслѣ возраста; Micl. l. c. a. v. връста), порота; власы въ въстрень (въ спискѣ XVIII в.: восторганы; въстрѣнь? м. б. въ связи съ стрѣти, сл. Miclos. a. v.); гортань муж. рода (горгани ради своего, bis); изъ фактовъ фонетики: въскрапляше и въскрапашеса.

Еслибы славянскій текстъ Сновъ можно было приписать славянскому югу, то подлинникомъ его легко было-бы предположить какую-нибудь византійскую статью того-же содержанія. И изложеніе Сновъ въ стилѣ загадокъ, и ихъ символическая образность и пророческое истолкованіе — всё это напоминаетъ тотъ своеобразный литературный родъ, обращики котораго проникли и въ славянскую писменность. Къ параллелямъ, приведеннымъ выше изъ Вопросовъ и Отвѣтовъ, замѣтимъ еще слѣдующія: Вопросъ: что есть конь стоитъ, изсохъ, а трава подъ нимъ до чрева? — Отвѣтъ: конь есть богатый человѣкъ, который, не смотря на свое богатство, изсохъ. — Вопросъ: конь стоитъ на голомъ гумнѣ, а сытъ вельми? — Отвѣтъ: конь есть убогій человѣкъ, который о

---

[1]) Въ одномъ спискѣ новаго письма (редакціи В) переписчикъ такъ передѣлалъ непонятное ему «ѡрь бронъ»: видехъ кобылу на нем ѡремъ и боронимъ. — Такимъ-же образомъ передѣлана въ 5-мъ снѣ «щеница бережа», во чревѣ которой брешутъ щенята: видѣлъ «щуку у берега», во чревѣ которой трепещется рыба.

богатствѣ не печется[1]). — Изъ разсказа Палеи о женидьбѣ Соломона на дочери египетскаго царя[2]): бѣсы похищаютъ ее для Соломона и посадивъ ее въ «сандалъ» везутъ по морю. «Видѣ^{в} же цр҃евна҃, ѡ^{ж} моу^{ж} водоу пье^{т}. а҃ и^{з} него йдеть во^{н} ѿпа^{т}.... й переѣхаша нем'ного. ѡ^{ж} му^{ж} в' водѣ б'роди^{т} а҃ воды проси^{т}. а҃ во^{л}ны пошибаю^{т} его[3])..... И переѣха^{в} мало. ѡ^{ж} йдеть моу^{ж} сѣна косити. а҃ за ни^{м} два҃ козла хода^{т} й поѣдаю^{т} т'равоу. йже ч'то оусѣче^{т}». Соломонъ толкуетъ невѣстѣ ея загадочныя видѣнія: 1-е) «то е҃ дѡ^{м} цр҃евъ сюды в'ниде^{т}. а҃ йноудыі йзйде^{т}»; 2-е) «то е҃ тиоу^{н} цр҃евъ. соу^{л}ве соуди^{т}. а҃ дроуги^{х} йщеть. чѣмъ бы ємоу цр҃ю ср^{л}це доб'ро сът'ворити» (иное толкованіе въ текстѣ А. Попова l. c.: «то ти есть царевъ тіунъ, тяжу судитъ, приносъ у убогихъ взялъ, а болши того еще хощетъ, волочитъ долго, ни винитъ, ни правитъ, посулы имѣетъ, хотѣнія своего не насытитъ, еще проситъ, претитъ, грозитъ обѣмъ, а другій ищетъ дабы ему чѣмъ царю присвоитися, тако и богатый много беретъ, а болши того еще желаетъ, сыти не вѣдаетъ и спати не можетъ, во дни, въ нощи безпрестанно помышляетъ, покоя не имѣетъ, всюдѣ бросается и на смерть дерзаетъ»); 3-е) «той е҃. йже поиме^{т} моу^{ж} дроугоую женоу с' чюжими дѣтьми. й ѡ^{н} ч'то придобоуде^{т}. а҃ ѿни то сьѣда^{т}. а҃ ємоу нич'то^{ж} в роукоу не йдеть».

Этимъ загадочнымъ образамъ дается непосредственное, жизненно-практическое истолкованіе; удалите эту непосредственность, перенесите осуществленіе толкованія въ неопредѣленную даль — и получится тотъ эсхатологическій колоритъ, который отличаетъ пророческіе сны Шахаиши и всю литературу Видѣній, развив-

---

[1]) Буслаевъ, Очерки II, 25. — Пам. стар. русск. лит. III, стр. 176.

[2]) Тихонрав., Пам. руск. отр. лит. I 269 — 271; Пам. стар. русск. лит. III 53 — 4; Анд. Поповъ, Хронографы I b., 187—188; Славянск. сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ стр. 219 прим. (гдѣ слѣдуетъ исправить ошибочную ссылку на книгу А. Попова вм.: I, в. 173 и слѣд.). Слѣдующій текстъ заимствованъ изъ изд. Тихонравова I 270 — 271.

[3]) Въ повѣсти о дѣтствѣ Соломона у Тихонрав. Лѣт. русск. лит. и древн. IV стр. 128: отецъ мой по горло сидитъ въ водѣ, проситъ пити, а напитися не можетъ.

шуюся на византійской почвѣ. Укажемъ лишь на хризмы, приписанныя императору Льву философу, сопровождаемыя символическими изображеніями, напоминающими загадочныя видѣнія нашего текста,

Наблюденія надъ его содержаніемъ не повело насъ далѣе нѣкоторыхъ аналогій, какъ съ другой стороны повѣствовательная рамка, въ которую вставлены Сновидѣнія, слишкомъ бѣдна, чтобы дозволить какіе нибудь болѣе прочные выводы. Царь Шахаиша является мудрѣйшимъ («тебе нѣсть моудрѣйша» говоритъ ему Мамеръ), и несмотря на то онъ не въ состояніи разгадать значенія своихъ вѣщихъ сновъ, и никто не могъ разрѣшить ихъ ему, пока онъ не «ѡ҆брѣте нѣко҆его философа книжника именемъ Мамера». Научивъ царя и поклонившись ему, онъ «г҃ла е҆моу тако стотысѧщны҆ рабъ е҆смь. и҆ пакы г҃ла ц҃реви: сего чтенїа и҆ толкованїа и҆ раз҄рѣшенїа боуде҄ въ послѣднее҆ времѧ злое҆..... и҆ ѿиде въ своѧ си҆». Мы можемъ заключить изъ этого, что мудрый Мамеръ былъ въ рабствѣ у царя; это напоминаетъ такія же отношенія Соломона къ Китоврасу (въ нашей Палеѣ) и змѣю (въ нѣмец. стихотвореніи XI — XII вѣка) и, вѣроятно, къ Морольфу или Морольту, въ первичной редакціи сказанія о немъ; наконецъ, отношенія Вортигерна-Родарха къ Мерлину[1]). — Но о Мамерѣ прибавлена еще новая черта: онъ купленъ царемъ за дорогую цѣну, за сто тысячъ; обрѣсти = acquirere glag. cloz. I 540. Въ византійской повѣсти «о мудромъ старцѣ» разсказывается, что императоръ купилъ его за большія деньги и держалъ въ заключеніи, не смотря на то, что онъ нѣсколько разъ проявлялъ свое вѣщее знаніе; лишь послѣ того, какъ онъ открылъ императору тайну его происхожденія, онъ былъ награжденъ и отпущенъ на свободу[2]). Въ этой связи слѣдуетъ, быть можетъ, понять слова уда-

---

[1]) Срав. объ этомъ въ моихъ Славянс. сказ. о Соломонѣ и Китоврасѣ и т. д. С. П. Б. 1872.

[2]) См. Legrand, Collection de monuments pour servir à l'étude de la langue néo-hellenique, 1re série, № 19, и его-же: Recueil de chansons populaires grecques (Paris 1874) p. 258 — 264. — Gidel, Histoire de

ляющагося Мамера: «стотысящны рабъ єсмь»; своимъ истолкованіемъ загадочныхъ сновъ онъ оправдалъ высокую цѣну, заплаченную за него императоромъ.

Повѣсть о «мудромъ старцѣ», нашедшая отраженіе и въ Cento Novelle antiche — восточнаго происхожденія; таковое, быть можетъ, слѣдуетъ предположить и для рамки нашихъ Сновъ. Слѣдуетъ ли и для нихъ допустить византійское, и далѣе, южнославянское посредство, какъ для большей части памятниковъ повѣствовательной литературы, приходившихъ къ намъ въ древнюю пору нашей письменности? Въ данномъ вопросѣ рѣшающую силу могла-бы имѣть критика собственныхъ именъ, если они точно переданы списками Сновъ. Мамеръ напоминаетъ мнѣ восточнаго Mor-olta, Memer-olt'a нѣмецкой поэмы о Соломонѣ; имя Шахаиши трудно согласуется съ предположеніемъ посредствующей греческой транскрипціи; оно слишкомъ отзывается востокомъ и я не прочь принять догадку И. П. Минаева, что Шахаиша — персидское Шаханшахъ т. е. царь царей, обычный титулъ царя. Сл. также названія философа въ текстахъ редакціи В: шаховищь, шеховищь.

Въ какой мѣрѣ названіе города: Ириинъ и т. п. можетъ поддержать эту восточную гипотезу, судить не мнѣ.

III.

Мотивъ «Сновъ», подобныхъ разобраннымъ нами, принадлежитъ къ довольно распространеннымъ на востокѣ. Если въ слѣдующей передачѣ извѣстныхъ мнѣ сказаній я начну съ тибетскаго, то дѣлаю это потому, что оно дастъ мнѣ поводъ еще разъ вернуться къ восточнымъ отношеніямъ Морольфа.

Тибетскій Канджуръ предлагаетъ цѣлый циклъ разсказовъ о царѣ Уджаини, Прадьотѣ или Чанда-Прадьотѣ. Разсказы эти

Ptocholéon, въ Annuaire de l'association pour l'encouragement des études grecques en France, 6e année (1872), Mémoires et notices, p. 53 seqq. — Wagner, Carmina graeca medii aevi p. 277—303. Объ этой повѣсти въ другомъ мѣстѣ.

были недавно переведены ак. Шифнеромъ[1]). Въ одномъ изъ нихъ (№ 11) повѣствуется о Прадьотѣ, страдавшемъ безсонницей, и о его шутливомъ преніи съ стоявшимъ на стражѣ Гандхарцемъ. Самое положеніе и содержаніе преній отвѣчаютъ вполнѣ такому-же эпизоду такъ называемаго втораго Морольфа[2]), при чемъ Морольфъ = Гандхарцу. Изученіе Славянскихъ повѣстей о Китоврасѣ привело меня къ заключенію, что онъ тожественъ съ Морольфомъ нѣмецкихъ поэмъ («первымъ» и «вторымъ» Морольфомъ); Китовраса-Кентавра я сближалъ этимологически, по слѣдамъ Куна, съ инд. gandharva[3]), находя подтвержденіе тому въ сказаніяхъ объ этихъ демоническихъ существахъ, исполненныхъ глубокой мудрости, любящихъ смертныхъ женъ, которыхъ они нерѣдко похищаютъ[4]). Послѣднее сближеніе останется въ силѣ, еслибы этимологическое и подвержено было сомнѣнію; тибетскій разсказъ снова упрочиваетъ эту связь, сближая, при посредствѣ Морольфа, Гандхарца съ Китоврасомъ. — Замѣтимъ во всякомъ случаѣ, что дѣло идетъ для насъ не объ исконномъ фонетическомъ соотвѣтствіи, а о случайныхъ созвучіяхъ въ именахъ, заимствованныхъ литературнымъ путемъ.

Перейдемъ къ снамъ царя Прадьоты (у Шифнера № XIX). Когда царь Прадьота велѣлъ умертвить 80000 брахмановъ,

---

[1]) Mahâkâtjâjana und König Tshanda-Pradjota. Ein Cyklus buddhistischer Erzählungen, mitgetheit v. A. Schiefner (Mém. de l'Acad. Impér. des Sciences de S. Pétersbourg, VIIe série, № 7, 1875).

[2]) Сл. Слав. сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 271; Russ. Revue l. c. стр. 288 — 291. Въ одномъ отчетѣ объ изданномъ Bickell'емъ и Бенфеемъ сирійскомъ текстѣ Kalilag und Damnag (Jenaer Literaturzeitung 1878 № 7: E. Prym) я прочелъ (стр. 100 a) слѣдующее: Ich weiss nicht, ob schon von Jemand die Verwandschaft zwischen der Quelle des Bilâd, dem im tibetischen Mahâkâtjâjana und Tschanda-Pradjota zur Darstellung gekommenen Erzählungsstoffe, und unserem Salomon upd Morolf hervorgehoben worden ist; ich komme vielleicht an einem andern Orte darauf zurück». На это сродство и указано было мною въ статьѣ Russ. Revue, обозначенной выше.

[3]) Слав. сказанія p. 138 seqq.

[4]) l. c. p. 225 — 229.

онъ услышалъ ночью во снѣ, возлежа на великомъ ложѣ, шесть словъ отъ лица земли, шесть словъ изъ воздуха, и видѣлъ восемь сновидѣній. Каждое изъ двѣнадцати словъ начинало собою слоку. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ.

1. Пребывая въ аду шестьдесятъ тысячъ и шестьдесятъ сотъ лѣтъ, мы никогда не приходимъ къ концу.

3. Сами мы предавались дозволеннымъ и недозволеннымъ наслажденіямъ; тогда какъ другіе наслаждаются блаженствомъ, намъ на долю выпали муки и т. п.

Содержаніе сновъ слѣдующее: царю представилось 1) что его тѣло умащали бѣлымъ сандаломъ, 2) осыпали краснымъ; 3) на его темени горѣло пламя, 4) изъ подъ мышекъ выползали двѣ змѣи; 5) двѣ рыбы лизали его ноги; 6) два гуся летали въ небѣ; 7) черная гора надвигалась на него; 8) журавль клевалъ его въ голову.

Озлобленные на царя брахманы толкуютъ его сновидѣнія такимъ образомъ, что онъ лишится жизни и власти, и указываютъ на средства, которыми онъ можетъ избѣжать зловѣщихъ предзнаменованій; но эти средства клонятся ко вреду царя, которому брахманы совѣтуютъ умертвить своихъ ближайшихъ сродниковъ. Царь сильно опечаленъ ихъ совѣтомъ, но его жена Çântâ говоритъ ему: О царь, эти брахманы всегда пребывали въ невѣжествѣ — какъ же имъ знать о томъ? Пойди и спроси почтеннаго Mahâkâtjâjana'у. — Спрошенный Прадьотой, онъ говоритъ царю, что ему нечего бояться, что онъ слышалъ благія слова и видѣлъ счастливые сны, которые тотчасъ-же и толкуются. «Твой первый сонъ, въ которомъ ты видѣлъ, что тѣло твое умащали бѣлымъ сандаломъ, означаетъ, что отъ царя Videha'овъ идетъ къ тебѣ посолъ, несущій въ даръ кусокъ ткани Amila, и что черезъ семь дней онъ прибудетъ. — Твой второй сонъ, въ которомъ ты видѣлъ, что твое тѣло осыпали краснымъ сандаломъ, означаетъ, что къ тебѣ идетъ посолъ отъ царя Гандхаровъ, несущій въ даръ дорогой плащъ; и онъ также прибудетъ черезъ семь дней. — Третій сонъ, въ которомъ ты видѣлъ пламя на своемъ темени, означаетъ посла отъ царя Javana'овъ, который несетъ тебѣ въ

даръ золотой вѣнецъ, и онъ прибудетъ черезъ семь дней. — Четвертый сонъ (о двухъ змѣяхъ, выползающихъ изъ подъ мышекъ) означаетъ посланника отъ царя Tschina'овъ, имѣющаго принесть тебѣ въ даръ два меча и т. д. Пятый сонъ (о двухъ рыбахъ) относится къ посланнику царя Simhala'овъ, а его даръ — башмаки изъ драгоцѣнныхъ камней и т. д. Шестой (о двухъ гусяхъ) и седьмой сонъ (надвигающаяся черная гора) относятся къ посланникамъ царей Bhangala и Kalinga, изъ которыхъ первый приведетъ двухъ коней, а второй царскаго слона. — Что до твоего восьмаго сна, въ которомъ ты видѣлъ журавля, клюющаго твою голову, то значеніе его узнаешь ты и мать Gopâla'ы, Çântâ.

Послѣдній намекъ Mahâkâtjâjana'ы относится къ слѣдующему разсказу № XX, переведенному ак. Шифнеромъ подъ заглавіемъ: Гнѣвъ Прадьоты и мудрость Бхараты. Оба разсказа №№ XIX и XX, тѣсно связанные другъ съ другомъ[1]), отвѣчаютъ 14-й главѣ арабскаго сборника Калила ва Димна (по тексту Сильвестра де Саси); на отношенія послѣдней къ тому индійскому прототипу, часть котораго обособилась въ Панчатантру, указано было уже Бенфеемъ[2]), не знавшимъ тогда ни тибетскаго разсказа, ни сирійскаго перевода Kalilag и Damnag, сдѣланнаго, подобно арабскому, съ пеглевійской передачи индійскаго оригинала. Открытіе тибетскаго пересказа подтвердило, кромѣ того, и другую догадку Бенфея — о буддійскомъ происхожденіи 14-й главы Калилы и Димны.

Общій ходъ и отношенія арабскаго разсказа тѣ-же, что и въ тибетской повѣсти; измѣнены лишь нѣкоторыя подробности и имена дѣйствующихъ лицъ. Царь Biladh (тиб. Прадьота) велѣлъ умертвить 12000 брахмановъ, товарищи которыхъ замыслили отмстить ему. По его просьбѣ они толкуютъ его сны и коварно

---

[1]) Schiefner l. c. стр. VII — VIII предисловія и его-же: Bharatae responsa tibetice cum versione latina. Petrop. MDCCCLXXV, praef.

[2]) Benfey, Pantschatantra I § 225, p. 586. Сл., впрочемъ, Weber, Litter. Centralblattt, 1876 г., № 31, и E. Prym въ Jenaer Literaturzeitung 1878, № 7, стр 100.

указываютъ на средство предотвратить ихъ исполненіе: избіеніе родни. Какъ въ тибетскомъ разсказѣ Çântâ, такъ и здѣсь царица Iracht совѣтуетъ царю не довѣряться брахманамъ, а спросить совѣта у мудраго Kibariûn'a (= Mahâkâtjâjana). Сновъ — восемь; содержаніе и истолкованіе ихъ почти тоже, что и въ Канджурѣ, только порядокъ другой [1]). Не безпокойся и не страшись, говоритъ Kibariûn: если тебѣ угодно, то разскажи мнѣ сны твои, или же, если тебѣ угодно, я ихъ тебѣ разскажу и изложу все, что ты видѣлъ. Царь сказалъ: Нѣтъ, изъ твоихъ устъ лучше (будетъ услышать ихъ). Мудрецъ сказалъ: Да не печалитъ тебя, о царь, это дѣло, и не бойся по его поводу. 1. Двѣ красныя рыбы, которыхъ ты видѣлъ стоявшими на своихъ хвостахъ, означаютъ, что къ тебѣ придетъ посланецъ отъ царя Haimûn съ двумя ларчиками, украшенными жемчугомъ и яхонтомъ цѣною въ 4000 фунтовъ золота, и что онъ предстанетъ предъ тобой (тиб. № 5). 2. Два гуся, которыхъ ты видѣлъ вылетѣвшими изъ за тебя и спустившимися предъ тобою, означаютъ, что къ тебѣ прибудутъ отъ царя Балха двѣ лошади, равныхъ которымъ нѣтъ на землѣ, и что онѣ предстанутъ предъ тобой (тиб. № 6). 3. Змѣя, которую ты видѣлъ обвившейся вокругъ твоей лѣвой ноги, означаетъ, что къ тебѣ придетъ нѣкто отъ царя С-н-джûн'а, который предстанетъ предъ тобой съ мечемъ изъ чистаго желѣза, подобнаго которому не находили никогда (тиб. № 4). 4. Кровь, которою ты видѣлъ окрашеннымъ свое тѣло, означаетъ, что къ тебѣ придетъ отъ царя Kâzerŷna нѣкто, который предстанетъ предъ тобой съ платьемъ чудеснымъ, что называется одеждой изъ арджувана и свѣтитъ во мракѣ (тиб. № 2). 5. Что ты видѣлъ, будто омываешь все свое тѣло водой, означаетъ, что къ тебѣ придетъ отъ царя P-h-zûn'a нѣкто, который предстанетъ предъ тобой съ платьями изъ бумажной ткани, царскою одеждою (тиб. № 1). 6. Что ты

[1]) Я пользуюсь далѣе переводомъ, любезно предложеннымъ мнѣ бар. В. Р. Розеномъ. Сл. также Fil. Wolf, Das Buch des Weisen, II, 68 — 70.

видѣлъ, будто стоишь на бѣлой горѣ, — означаетъ, что къ тебѣ придетъ отъ царя Кйдӯр'а нѣкто, имѣющій предстать предъ тобой съ бѣлымъ слономъ, котораго не догнать лошади (тиб. № 7). 7. Что ты на головѣ своей видѣлъ нѣчто похожее на огонь — означаетъ, что къ тебѣ придетъ отъ царя Ар-з-н нѣкто, который предстанетъ предъ тобой съ золотымъ вѣнцомъ, украшеннымъ жемчугомъ и яхонтомъ (тиб. № 3). 8. Что касается до птицы, которую ты видѣлъ ударявшей клювомъ въ твою голову, то я тебѣ сегодня этого не объясню и т. д. (тиб. № 8).

Девятая глава сирійскаго Kalilag и Damnag [1]) предлагаетъ тотъ-же разсказъ и тотъ-же порядокъ сновъ, что и арабскій текстъ, съ небольшими отличіями въ мелочахъ [1) двѣ красныя рыбы, прыгавшія и скакавшія на ногахъ царя; 2) двѣ утки, 3) змѣя, всползавшая по лѣвому бедру; 4) помазаніе кровью; 5) омовеніе водою; 6) бѣлая гора; 7) а что ты видѣлъ нѣчто подобное голубю, спустившееся на твою голову, то это означаетъ, что прибудетъ посолъ отъ царя Dadra и принесетъ тебѣ вѣнецъ; 8) птица, клюющая голову] и въ транскрипціи собственныхъ именъ. — Таже послѣдовательность сохранена и въ греческомъ переводѣ арабской Калилы ва Димны, извѣстномъ подъ заглавіемъ: Στεφανίτης καὶ Ἰχνηλάτης, и въ древне-славянскомъ пересказѣ послѣдняго; только имена собственныя и мѣстныя удалены, какъ мало понятныя, и замѣнены общими указаніями. Такъ царю Haimun перваго сна арабскаго текста (сир. 1: Chamtur = тиб. 5 Simhala) отвѣчаетъ выраженіе греч. 1: ἔκ τινος τῶν μεγιστάνων, слав. 1: ѿ великыѫ ц҃реи; тоже въ 6-мъ снѣ араб. т.: царь Kaidur, сир. 6: царь Kanun = тиб. 7: царь Kalinga; греч. 6: παρά τινος τῶν μεγίστων βασιλέων; слав. 6: ѿ ц҃рⷭ нѣкоѥ велика [2]).

---

[1]) Kalilag und Damnag. Alte syrische Uebersetzung des indischen Fürstenspiegels. Text und deutsche Uebersetzung v. Gustav Bickell. Mit einer Einleitung v. Th. Benfey. Leipz. 1876.

[2]) Ркп. Синод. библ. № 203, XV вѣка. Въ славяно-сербской рецензіи Стефанита и Ихнилата, изданной Даничичемъ (Indijske priče

Буддистскій характеръ подлинника сгладился въ его крайнихъ отраженіяхъ до едва замѣтныхъ слѣдовъ. Такъ мудрецъ Kibariûn арабскаго текста (Кунагоп у Іоанна Капуанскаго) напоминаетъ Бенфею санскритское Kevalin, названіе аскета, погруженнаго въ созерцаніе, чему близко отвѣчаетъ выраженіе греческаго перевода: τὸν παῤ ἡμῖν ἀσκητὴν. Въ тибетскомъ разсказѣ его роль предоставлена Mahâkâtjâjana'ѣ, извѣстному проповѣднику буддизма въ Удджаини, тогда какъ въ буддистской жатакѣ «о снахъ царя Прасенаджита» вмѣсто него является самъ Будда. — Вотъ содержаніе жатаки[1]).

Однажды великій царь Косалы, заснувъ въ послѣднюю четверть ночи, увидѣлъ шестнадцать знаменательныхъ сновъ. Испуганный, онъ проснулся и, сидя на ложѣ, сталъ раздумывать, страшась смерти. На разсвѣтѣ пришли къ нему брахманы и пурогиты и спросили: хорошо-ли ты спалъ, великій царь? — Откуда мнѣ быть добру? Сегодня на разсвѣтѣ я видѣлъ шестнадцать сновъ, и какъ увидѣлъ, испугался. Объясните ихъ, учители. — Узнавъ содержаніе сновъ, брахманы развели руками: Дурны эти сны! — Какое-же отъ нихъ будетъ послѣдствіе, спросилъ ихъ царь, вредъ для царства, вредъ для жизни, вредъ для достоянія? И поправимы-ли они? — Злобны эти сны, говорятъ брахманы, но мы ихъ сдѣлаемъ поправимыми; кабы мы не могли ихъ исправить, что-бы значила наша ученость? — И они предлагаютъ царю принести четверную жертву, а сами думаютъ: много мы добра наберемъ, много ѣды добудемъ. — Пока они, выйдя за городъ, готовятъ жертву, царица Малликâ пришла къ царю и спросила: Что такъ суетятся брахманы? — Ты благоденствуешь и не

---

prozvâne Steťanit i Ihnilat, въ Starine. 1870 г.): отъ вѣликихъ царей; отъ цара некоего бѣлика (вм. вѣлика).

[1]) Она сообщена въ извлеченіи у Spence Hardy, Manual of Buddhism p. 304 — 6. Полнымъ переводомъ Mahasupinajatakam по рукописи азіатскаго музея (f. ji recto — f. jû verso) я обязанъ И. П. Минаеву. Слѣдующія въ текстѣ извлеченія сдѣланы по этому переводу.

знаешь, что змѣй расхаживаетъ у моего уха, отвѣчаетъ ей царь и разсказываетъ о своихъ снахъ и о мѣрахъ, предложенныхъ брахманами. — А спрашивалъ ты, великій царь, о предотвращеніи этихъ сновъ у высшаго брахмана въ мірѣ людей и боговъ? — Кто это, милая? — Ты развѣ не знаешь высшее существо въ мірѣ людей и боговъ, всевѣдущее, чистое, безъ муки, великаго брахмана? Поди къ нему и спроси, великій царь. — Царь отправляется въ монастырь и, поклонившись учителю, проситъ его совѣта: Множество существъ испугано страхомъ смерти; ты — высшее существо въ мірѣ боговъ и людей, и нѣтъ постижимаго явленія въ прошедшемъ, будущемъ и настоящемъ, которое-бы не приходило на путь твоего познанія. Разскажи, господинъ, послѣдствія этихъ сновъ. — По приглашенію учителя онъ такъ разсказываетъ ихъ содержаніе:

1. И такъ, возлюбленный, я видѣлъ такой сонъ: четыре черныхъ буйвола сошлись съ четырехъ сторонъ на царскій дворъ съ тѣмъ, чтобы драться; когда-же народъ собрался посмотрѣть на битву, буйволы, показавъ видъ, что они бьются, поревѣвъ и пошумѣвъ, ушли не сразившись. Это мой первый сонъ; каково его послѣдствіе? — Великій царь, слѣдствіе этого сна будетъ не въ твое и не въ мое время. Въ грядущемъ, при жалкихъ и недобродѣтельныхъ царяхъ и недобродѣтельныхъ людяхъ, когда міръ перемѣнится и будетъ гибнуть, т. е. добродѣтель уменщится, а зло возрастетъ, не будетъ дождя, тучи будутъ изчезать, посѣвы уничтожаться, и будетъ голодъ. Съ четырехъ сторонъ встанутъ тучи, какъ бы желая излить дождь; когда же люди соберутъ въ дома рисъ и прочее, разсѣянное на камняхъ, чтобы всего этого не замочило, и выйдутъ съ лопатами и корзинами, чтобы устроить запруду — тучи, показавъ видъ, что они изольютъ дождь, погремѣвъ и испустивъ молнію, какъ буйволы, не бившись, безъ дождя исчезнутъ. Таково слѣдствіе сна; тебѣ-же отъ этого не будетъ вреда, сонъ относится къ будущему, брахманы говорили тебѣ такъ, имѣя въ виду свое собственное пропитаніе. — Истол-

ковавъ такимъ образомъ значеніе сна, учитель сказалъ: разскажи, великій царь, другой сонъ [1]).

2. Я видѣлъ какъ маленькія деревья и кустарники, выйдя изъ земли и поднявшись не выше локтя или двухъ, цвѣтутъ и приносятъ плоды. — Толкованіе: въ будущемъ, когда люди будутъ недолговѣчны и страстны, дѣвушки, не достигнувъ зрѣлаго возраста, будутъ рожать сыновъ и дочерей и т. д. [2]).

3. Я видѣлъ, что коровы пьютъ молоко телятъ, рожденныхъ въ тотъ-же день. — Толкованіе: въ будущемъ люди, безстыдно обращаясь съ матерью и отцемъ, съ тестемъ и тещею, заведя свой домъ, захотятъ — дадутъ, не захотятъ — не дадутъ старикамъ крова и ѣды. Старики-же, не находя покровительства и не живя самостоятельно, станутъ жить, угождая дѣтямъ, какъ большія коровы, пьющія молоко телятъ.

4. Я видѣлъ, какъ запрягали не большихъ быковъ, годныхъ къ ярму и упряжи, а молодыхъ телятъ, которые, не будучи въ состояніи нести ярмо, сбрасывали его, отчего возы не двигались. — Толкованіе: въ будущемъ беззаконные цари не возвеличатъ мудрыхъ совѣтниковъ, свѣдущихъ въ обычаяхъ, способныхъ рѣшать дѣла, не допустятъ въ совѣтъ и къ суду старыхъ, опытныхъ министровъ, а возвеличатъ юныхъ и неподобныхъ имъ. Они, не зная царскихъ дѣлъ, пристойнаго и непристойнаго, не смогутъ вынести славы, не въ состояніи будутъ исполнить царскихъ дѣлъ и сбросятъ съ себя ярмо; старые-же, мудрые совѣтники станутъ думать: мы изгнаны, а приняты молодые; они знаютъ. И не станутъ дѣлать возникшихъ дѣлъ. У тѣхъ царей всюду будетъ неудача, и будетъ какъ бы время, когда ярмо наложено на неспособныхъ телятъ, и не наложено на быковъ, которые могутъ его вынести.

5. Я видѣлъ коня съ двумя ртами, которому давали ячмень

---

[1]) Далѣе я опускаю общія мѣста, однообразно повторяющіяся въ изложеніи сновъ.

[2]) Въ передачѣ Spence Hardy образы сна нѣсколько измѣнены и толкованіе другое.

съ двухъ сторонъ, и онъ ѣлъ двумя ртами. Толкованіе: въ будущемъ беззаконные цари поставятъ беззаконныхъ, измѣнчивыхъ людей, которые, не обращая вниманія на грѣхъ и добродѣтель, будучи глупы, сидя въ совѣтѣ и давая рѣшенія, станутъ брать посулы отъ истца и отвѣтчика, какъ конь двумя ртами ячмень.

6. Сонъ о богачѣ, золотомъ блюдѣ и старомъ шакалѣ. Толкованіе: недобродѣтельные цари возвеличатъ худородныхъ, а благородные, не имѣя средствъ къ жизни, станутъ выдавать за нихъ своихъ дочерей.

7. Одинъ человѣкъ сидя вплъ веревку, спуская её подъ ноги; у него за спиной лежала голодная шакалиха и безъ его вѣдома пожирала веревку. — Толкованіе: въ грядущемъ женщины будутъ падки до мужчинъ и вина, до украшеній, гульбищъ и удовольствій, будутъ дурной нравственности и дурнаго поведенія. Мужья ихъ, занимаясь земледѣліемъ и скотоводствомъ, накопятъ богатство съ великимъ трудомъ, а онѣ станутъ пить вино съ своими любовниками, начнутъ украшаться гирляндами и умащаться благоуханіями, не будутъ смотрѣть за домомъ; увидѣвъ въ щелку стѣны любовниковъ, ощелушатъ сѣмена, приготовленныя для посѣва на завтра, и сваривъ похлебку и ѣду и поѣвъ это, будутъ раззорять мужей, подобно той шакалихѣ и т. д.

8. Я видѣлъ на царскомъ дворѣ большой полный сосудъ, окруженный многими пустыми; четыре касты, прійдя съ четырехъ сторонъ свѣта и съ четырехъ промежуточныхъ, наполняли тотъ сосудъ, такъ что вода лилась черезъ край; а они продолжали наливать въ него, не обращая вниманія на пустые. — Толкованіе: въ будущемъ міръ будетъ разрушаться, страна захудѣетъ, цари станутъ бѣдными и несчастными; у того-же, кто будетъ владычествовать, въ казнѣ будетъ 100000 каршапановъ, и онъ заставитъ бѣдный народъ заниматься его посѣвами, беречь ихъ, заботиться объ ихъ вызрѣваніи, молотить ихъ и свозить. Сколько полей сахарнаго тростника воздѣлаютъ, со столькихъ и свезутъ; изготовятъ сырой сахаръ, станутъ работать въ садахъ и огородахъ и, собравъ созрѣвшіе посѣвы, наполнятъ житницу

царя — и никто не взглянетъ на свои собственныя пустыя жилища.

9. Я видѣлъ глубокій прудъ со спусками со всѣхъ сторонъ, покрытый 5-ю лотусами; двуногія и четвероногія приходили туда пить воду. По срединѣ его, на глубокомъ мѣстѣ, вода была мутна, по берегамъ-же, куда приходили звѣри, она была ясна и чиста. — Толкованіе: въ будущемъ недобродѣтельные цари пойдутъ по ложному пути, будутъ судить не по закону, станутъ брать посулы и жестоко мучить людей, какъ сахарный тростникъ на мельницѣ; будутъ собирать богатства, налагая различныя подати. Измученный народъ броситъ деревни и семьи и уйдетъ въ отдаленныя страны, срединная страна опустѣетъ, отдаленныя же населятся, подобно тому, какъ въ срединѣ пруда вода мутна, а по окраинамъ ясна.

10. Я видѣлъ въ одномъ сосудѣ недоваренную похлебку, которую вынули и, раздѣливъ, поставили. И была она сварена троякимъ способомъ: одна часть переварена, другая не сварилась, третья удалась въ пору. — Толкованіе: въ будущемъ, при недобродѣтельныхъ царяхъ, всѣ люди, начиная отъ шрамановъ и брахмановъ, будутъ недобродѣтельны, и такими же станутъ ихъ божества хранители, божества, принимающія жертву, древесныя и небесныя божества. Въ царствѣ тѣхъ царей будутъ дуть неровные, жестокіе вѣтры, небесные дворцы содрогнутся, разгнѣванные боги не станутъ давать дождя, и дождь, пойдя, не омочитъ заразъ всей страны, не будетъ благотворенъ для всѣхъ посѣвовъ и земледѣльческихъ работъ. И какъ въ цѣлой странѣ, такъ и въ области, въ деревнѣ, даже въ одномъ прудѣ не будетъ за разъ идти дождя: будетъ идти въ верхней части, не будетъ въ нижней, и наоборотъ; въ одномъ мѣстѣ посѣвъ погибнетъ отъ чрезмѣрной влаги, въ другомъ отъ засухи, въ третьемъ, при ровномъ дождѣ, удастся. Такъ въ царствѣ одного царя дождь будетъ троякаго рода, какъ въ одномъ сосудѣ похлебка.

11. Я видѣлъ какъ драгоцѣнную сердцевину сандала продавали за скиснувшую сыворотку. Толкованіе: безсовѣстные бик-

шу, жадные до наживы, будутъ проповѣдывать изъ за нея, законъ, мною преподанный, стоющій пирваны.

12. Я видѣлъ, какъ пустыя тыквы тонули въ водѣ. Толкованіе: въ будущемъ беззаконные цари будутъ принижать родовитыхъ людей и возвышать худородныхъ и недостойныхъ.

13. Я видѣлъ плавающими по водѣ камни, размѣрами подобные ступѣ. — Толкованіе сходно съ предыдущимъ; родовитые люди будутъ принижены, ихъ не будутъ слушать; когда они станутъ говорить, худородные станутъ поднимать ихъ на смѣхъ: что они разсказываютъ! — Въ передачѣ Spence Hardy 12-й и 13-й сны соединены въ одинъ; есть основаніе предположить, что раздѣленіе ихъ совершилось позднѣе.

14. Я видѣлъ, какъ маленькія лягушки, величиной съ цвѣтокъ madhuka, преслѣдовали большихъ черныхъ змѣй и, обрывая ихъ мясо, глотали его. Толкованіе: въ будущемъ люди, дѣйствующіе по внушенію страсти, подпадутъ власти молодыхъ женъ; золото и добро и скотъ — всё будетъ принадлежать женамъ. На вопросъ: гдѣ золото, серебро или такая-то вещь? онѣ отвѣтятъ: тебѣ какое дѣло и зачѣмъ тебѣ знать, что въ моемъ домѣ есть и чего нѣтъ? Побранивъ ихъ и прибивъ по лицу, обойдясь съ ними, какъ съ слугами и рабами, онѣ станутъ властвовать.

15. Я видѣлъ ворона, окруженнаго царскими, златоперыми фламинго. Толкованіе: въ будущемъ цари, не обученные въ искусствѣ управлять слонами и неискусные въ битвахъ, не дадутъ власти людямъ равнымъ себѣ по рожденію, а дадутъ власть своимъ прислужникамъ и брадобрѣямъ. Люди родовитые и именитые, не имѣя ни положенія при царскомъ дворѣ, ни средствъ къ жизни, станутъ прислуживать худороднымъ, но властвующимъ.

16. Я видѣлъ, какъ слонята поѣдали барановъ, и затѣмъ какъ бараны преслѣдовали слонятъ и пожирали ихъ. Иные слонята, увидѣвъ издали барановъ, испуганные и дрожа отъ страха, побѣжали и спрятались въ кустахъ. — Толкованіе: беззаконные цари возвысятъ худородныхъ любимцевъ; въ силу царскихъ словъ они будутъ властвовать, рѣшать въ судахъ относительно

полей и домашняго скарба, доставшагося по наслѣдству родовитымъ: это намъ принадлежитъ, не ваше, а наше! Когда же тѣ явятся въ судъ просить о своемъ, они прикажутъ бить ихъ и схвативъ за шею скажутъ: Вы не знаете своего мѣста, съ нами вздумали спорить! Мы оговоримъ васъ разбойниками и велимъ отрубить вамъ руки и ноги. Такъ напуганные, тѣ отъ страху отдадутъ имъ все и, уйдя, спрячутся въ своихъ домахъ. Злые монахи будутъ мучить добродѣтельныхъ, добродѣтельные же, не имѣя убѣжища, уйдутъ въ пустыни и лѣсныя чащи. Такимъ образомъ настанетъ время, когда добрые монахи, мучимые грѣшными, побѣгутъ передъ ними, какъ слонята отъ барановъ. — И этого сна тебѣ нечего страшиться; и его ты видѣлъ, какъ указаніе на будущее.

Сближеніе Сновъ царя Прасенаджита съ русскими даетъ поводъ къ любопытнымъ выводамъ. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе характеръ пророческихъ толкованій, общій той и другой статьѣ, эсхатологически-общественный: тамъ и здѣсь сны вѣщаютъ разложеніе общественнаго и нравственнаго строя, имѣющее совершиться въ далекомъ будущемъ. Къ этому сходству стиля присоединяются и частныя сходства между отдѣльными видѣніями: укажу на седьмой сонъ Шахаиши (двуглавый конь) и на пятый Прасенаджита (конь съ двумя ртами), вполнѣ покрывающіе другъ друга и по содержанію и по толкованію; на близкое соотвѣтствіе между № 3 Шах. и № 8 Прас., между № 2 Шах. (сыръ брюхъ виситъ съ неба; В. прибавляетъ: а съ земли псы лаютъ и щенята брешутъ) и 7-мъ Прас. (самка шакала пожираетъ веревку, спускающуюся съ сидѣнья). Въ послѣднемъ случаѣ и между толкованіями можно замѣтить нѣкоторую аналогію: Прас. жены будутъ невѣрны своимъ мужьямъ и проживутъ ихъ достояніе съ другими; Шах. люди отлучатся отъ своего рода и племени и начнутъ держать любовь съ чужими людьми.

Такого рода соотвѣтствіе не можетъ быть оставлено безъ вниманія, такъ какъ оно указываетъ направленіе, въ которомъ слѣдуетъ, быть можетъ, искать источника нашихъ Сновъ. Въ

вопросѣ объ ихъ непосредственномъ оригиналѣ такое соотвѣтствіе, разумѣется, не имѣетъ рѣшающей силы. Былъ-ли этотъ оригиналъ персидскій? Пока мы можемъ опереться лишь на сближеніе Шахаиши съ Шаханшахомъ — и на нѣкоторыя сопоставленія, которымъ мы придаемъ, впрочемъ, лишь значеніе параллелей.

Въ Шах-намэ Менучеръ и его мобеды испытываютъ мудрость Заля, предлагая ему образные, загадочные вопросы. Всѣхъ вопросовъ шесть. Стоятъ 12 высокихъ деревьевъ, прекрасно цвѣтущихъ; на каждомъ 30 вѣтвей; никогда они не умножаются и не умаляются въ странѣ Персовъ. — Заль толкуетъ, что это — годъ съ 12-ю мѣсяцами и 30-ю днями въ каждомъ. Второй мобедъ предлагаетъ другую загадку: два прекрасныхъ коня гоняются другъ за другомъ и ни одинъ не можетъ догнать другаго; одинъ — черный, какъ море смолы, другой свѣтлый, какъ кристаллъ. — Толкованіе: день и ночь. — 4-ая загадка: въ садъ, исполненный зелени и ручьевъ, входитъ внезапно сильный человѣкъ, вооруженный острою косою, и принимается косить безъ различія что зелено и что сухо, не внимая мольбамъ. — Толкованіе: время — косецъ. — 5-ая загадка: 2 кипариса поднимаются изъ бурнаго моря; птица садится на одинъ изъ нихъ вечеромъ, и когда улетаетъ, листья на томъ деревѣ блекнутъ; садится на другое утромъ — и тогда его листья издаютъ запахъ мускуса. Такъ изъ этихъ деревьевъ одно стоитъ сухое, другое вѣчно зелено. — Загадкѣ дается астрономическое толкованіе. — 6-ая притча: городъ стоитъ на скалѣ, люди вышли изъ него въ долину и тамъ въ кустарникѣ построили жилища, крыши которыхъ возвышались до мѣсяца. Изъ тѣхъ людей одни стали рабами, другіе царями, и у тѣхъ и другихъ пропала память о родномъ городѣ, о немъ не говорятъ. Внезапно произошло землетрясеніе, поглотившее всю страну; тогда-то они вспомнили о городѣ и т. д. Городъ на скалѣ — это міръ вѣчный, тотъ, что построенъ въ долинѣ, міръ преходящій и т. д. [1]).

[1]) См. Mohl, Le livre des rois I p. 329 — 335.

IV.

Къ вопросамъ мобедовъ не трудно пріурочить цѣлый рядъ подобныхъ-же, разсѣянныхъ въ литературѣ сновъ, видѣній и т. п. Тѣ-же образы переходятъ изъ рукъ въ руки, отъ одного поколѣнія къ другому, иногда удерживая одно и то-же толкованіе, иногда его видоизмѣняя, на сколько это совмѣстимо съ условіями одной и той-же образности. Такъ видѣніе «горняго» города (шестая загадка мобедовъ), горняго Іерусалима, извѣстна изъ нашихъ Вопросовъ и Отвѣтовъ; притча о сухомъ и зеленомъ деревѣ повторяется, съ почти тѣмъ-же символизмомъ, но съ инымъ толкованіемъ, въ видѣніяхъ Даніила, вѣроятно византійскомъ памятникѣ, сохранившемся въ отрывкахъ нѣмецкаго Тироля и Фридебранта.

Got hât wunder manecvalt:
Dâniel zeigt er einen walt,
Der dûhte in volle lobesan,
Dârinne zwêne boume stânt,
Den tolden man der hoehe jach,
Daz man si in den landen ob allen boumen verre sach.

Als man die morgenzît vernam,
Ein balsamsmac an sie bekam
Mit luften, daz er lîse gie:
Jetweder boum den smac enphie;
Der eine wart grüene unde breit,
Der ander vûl unt dürre gar, swie was der smac an sie geleit.

Der grüene unt der dâ dürre stât,
Iegelicher boum ein voglîn hât,
Sus ist der ander walt betal,
Ieglîch rîs vol der voglîn schal;
Von dem smac nement sie den kraft —
Der dürre boum unt ouch sîn vogel iemer mit jâmer sint behaft [1]

[1]) Wilken, Die Ueberreste altdeutscher Dichtungen von Tyrol ur Friedebrant (Paderborn, 1873) p. 11 — 14. Слич. ibid. (p. 14 — 17 прим. на p. 42) видѣніе мельницы съ двумя жерновами, колесомъ о 72-х

Лѣсъ — это христіанство, птицы — души, зеленое и сухое дерево — праведный и неправедный священнослужители. Сл. Вопросъ: Рече Господь: боудеть дрѣво, яко прити птицамъ небеснымъ и вселитися въ вѣтвяхъ его. — Отвѣтъ: Доубъ есть миръ, вѣтви языки, а птици апостоли иже по всемоу мироу и въ всѣхъ языцѣхъ проповѣдаша слово божіе (сборн. Кир. Бѣлоз. нынѣ СПБ. Дух. Акад. $\frac{22}{1099}$, XV в., л. 287 ab. Сл. символическій образъ мирового-древа-креста и птицъ, поющихъ на его вѣтвяхъ, въ Wartburger Krieg, v. d. Hagen Minnesinger 3, 181 b). — Что касается до перваго вопроса мобедовъ, то притча о годѣ въ образѣ дерева принадлежитъ къ наиболѣе распространеннымъ народнымъ загадкамъ.

Слѣдуетъ предположить, что памятники, подобные Снамъ, Вопросамъ и Отвѣтамъ, расходившіеся въ большомъ количествѣ списковъ, должны были вліять на извѣстные отдѣлы народнаго творчества, и въ той-же мѣрѣ могли сами воспринимать его вліяніе. Въ загадкахъ русскаго народа есть много символическихъ образовъ, параллели къ которымъ не трудно отыскать въ статьяхъ, ненародное происхожденіе которыхъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Чѣмъ вычурнѣе, замысловатѣе эти образы, тѣмъ труднѣе допустить, что они сложились самостоятельно тамъ и здѣсь и что ихъ сходство не слѣдуетъ объяснять механическимъ перенесеніемъ изъ книги въ народную загадку, сказку, или наоборотъ; вопросъ о направленіи, въ которомъ совершилось заимствованіе, предстоитъ рѣшить для каждаго случая въ отдѣльности.

Символическій образъ, составляющій остовъ загадки, находится въ неодинаковыхъ отношеніяхъ къ облекаемому имъ со-

---

зубцахъ и т. п.: образъ, встрѣчающійся и у Muscatblut'a. Въ Tyrol und Friedebrant жернова толкуются, какъ Ветхій и Новый завѣты; въ Бесѣдѣ трехъ святителей (Тихоправовъ, Пам. отр. русск. лит. II, 436) на вопросъ: «что есть: два мелющія жерновы — единъ подъемлется, а другой оставляется», дается такой отвѣтъ: жерновы есть миръ, а иже мелется — душа съ тѣломъ: душа вознесется, а тѣло оставляется въ землѣ.

держанію. Пока между содержаніемъ и формой соблюдено равновѣсіе и толкованіе является по слѣдамъ образа, хотя-бы и не непосредственно и не безъ извѣстнаго усилія ума — мы говоримъ о загадкахъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Таковъ характеръ практическо-житейскихъ загадокъ, общихъ многимъ народамъ: простота формы, едва прикрывающей всѣмъ доступное содержаніе, незамысловатость образовъ, заимствованныхъ изъ обиходнаго быта и природы — всё ведетъ къ заключенію, что мы имѣемъ дѣло съ продуктами простѣйшаго поэтическаго самозарожденія, и что въ данномъ случаѣ сходство исключаетъ гипотезу заимствованія. — Въ другихъ случаяхъ содержаніе и форма не такъ уравновѣшаны, чтобъ онѣ совпадали другъ съ другомъ, чтобы загадочность символа сама собою разрѣшалась въ разгадкѣ: вмѣсто нея является толкованіе, далекое отъ того непосредственно-практическаго значенія, какимъ отличается первый разборъ загадокъ. — Подобное неравновѣсіе можетъ быть объяснено различно: загадка могла заимствовать готовый образъ, сложившійся въ народномъ вѣрованіи и въ немъ почерпавшій свой жизненный смыслъ; новое пріуроченіе, вырвавъ его изъ этой связи, придало ему характеръ загадочности, обусловленный забвеніемъ древняго преданія. — Либо образъ сложился, подобранъ для частнаго случая, и мистическій, таинственный колоритъ является механическимъ результатомъ трудности — проникнуть въ тайну случайнаго соотвѣтствія содержанія и образовъ.

Подобнаго рода загадочные образы встрѣтились намъ въ Снахъ Шаханши: форма Сна, въ которой они выступаютъ передъ нами, не выдѣляетъ ихъ изъ литературнаго рода, къ которому они принадлежатъ; въ народныхъ сказкахъ подобные-же образы являются въ формѣ видѣній, такого-же мистическаго характера, какъ и предъидущія, только эсхатологическое ожиданіе уступило здѣсь мѣсто реальнымъ карамъ: сказка осуществила, иногда въ тѣхъ-же чертахъ, эсхатологическія угрозы, разработывая тему наказаній.

Не касаясь здѣсь вопроса о древности этой темы и ея выра-

женій, ограничимся указаніемъ на соотвѣтствія нѣкоторыхъ сказочныхъ подробностей съ эпизодами разсмотрѣнныхъ выше литературныхъ памятниковъ. Въ русскихъ легендахъ о Христовомъ братцѣ, собранныхъ Аѳанасьевымъ[1]), одинъ человѣкъ, или царь, позванъ въ гости нищимъ, которому подалъ милостыню, съ которымъ похристовался или побратался; а нищій тотъ былъ І. Христосъ. По дорогѣ онъ слышитъ дѣтскіе голоса: «Христовъ братецъ, скажи объ насъ Христу, долго-ли намъ мучиться?» — Прошелъ еще немного — и видитъ: дѣвицы (var. двое) изъ колодца въ колодецъ воду переливаютъ. «Христовъ братецъ, говорятъ онѣ ему, скажи объ насъ Христу — долго-ли намъ мучиться?» — Идетъ онъ дальше — и видитъ тынъ, а подъ тѣмъ тыномъ виднѣются старики: всѣхъ иломъ занесло (var. стоятъ двое голые, стѣну собой подпираютъ). И они также просятъ узнать о своей участи. — Варьянты этой сказки прибавляютъ новыя видѣнія: бѣгаетъ человѣкъ за пичужкою и никакъ не можетъ поймать ее; стоитъ въ полѣ изба, а въ избѣ бѣгаетъ человѣкъ изъ угла въ уголъ и кричитъ охъ, тѣсно, охъ, тѣсно! Стоитъ въ водѣ человѣкъ по самыя уста и кричитъ: охъ пить хочу, охъ пить хочу! Двое изъ печи въ печь жаръ выгребаютъ голыми руками. Всѣ эти видѣнія толкуются старцемъ: это грѣшники, образно мучающіеся каждый за свои прегрѣшенія: тотъ, что стоитъ въ водѣ и не можетъ напиться — самъ не поилъ жаждущихъ и т. п. Сказка кончается въ одной редакціи (стр. 30—2) легендой о грѣшной матери (въ ред. b. стр. 127: отецъ): набожный сынъ напрасно тщится вытащить её изъ ада веревкой, которую онъ тридцать лѣтъ вилъ изъ кострики — и такой же эпизодъ встрѣчается въ малороссійскомъ разсказѣ объ обмиравшей старухѣ. Идемъ мы, разсказывала она, видимъ: двѣ собаки грызутся на дорогѣ; это не собаки, а два родныхъ брата, «що погрызлись та й побились, идучи степомъ». — «Идемо, ажъ ходятъ воли въ такому спашу, що й ригъ невидно съ трави, а самі худі, худі,

[1]) Аѳанасьевъ, Нар. Русск. Легенды № 8 и прим. стр. 123 sqq.

якъ дòшка. А біля̀ іхъ хòдять волѝ по самій землі — ни травѝнки підъ ногáми немá, да жиръ ажъ по землі тилі-пáется». Человѣкъ горитъ въ полымѣ между двумя дубами и мерзнетъ; другой лежитъ «коло кринѝці; течé ёмý рівчàкъ черезъ ротъ, а вінъ кричѝть: прóбі! дайте напѝться! — Женщина кипитъ въ котлѣ, около нея лежитъ луковичный стебель: она была богата и скупа, только разъ въ жизни подала милостыню прохожему старцу — луковичнымъ стеблемъ; этимъ то стеблемъ пытался вытащить её изъ пекла ея сынъ; но она оборвалась, такъ много прицѣпилось въ ея плахту и намітку грѣшныхъ душъ[1]).

Подобныя видѣнія встрѣчаются въ одномъ сербскомъ загробномъ хожденіи. Первое прямо переноситъ насъ къ представленіямъ мытарствъ: странникъ видѣлъ серебряный мостъ, подъ нимъ огромный котелъ, въ томъ котлѣ кипятъ людскія головы, а поверхъ носятся орлы и терзаютъ ихъ своими клювами. Такова вѣчная мука на томъ свѣтѣ[2]). Другія видѣнія болѣе напоминаютъ стиль приведенныхъ выше русскихъ и литовской сказки, на которую указывалъ уже Аѳанасьевъ: о рыбакѣ ходившемъ въ небо и встрѣтившемъ на пути знакомые намъ образы: женщинъ, переливавшихъ воду изъ одного колодца въ другой; тощихъ и тучныхъ коровъ; человѣка, поддерживавшаго тынъ; кита, на спинѣ котораго росъ кустарникъ; всѣ поручаютъ ему спросить — долго-ли имъ такъ мучиться[3]).

Вездѣ загадочные образы поняты какъ мытарства, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда сказка распоряжается ими какъ общимъ

---

[1]) Аѳанасьевъ, l. c. 129 — 131 (изъ Кулиша, Зап. о южной Руси I, 306 — 8). Сл. также Аѳанасьева, Поэтическія воззрѣнія и т. д. III стр. 303 — 305 (въ одной легендѣ о мальчикѣ сиротѣ волы замѣнены конями). — Легенда о грѣшной матери извѣстна у Грековъ, Славянъ, Итальянцевъ и т. д. (См. м. пр. Pitrè, Fiabe, novelle, racconti ed altre tradizioni popolari siciliane № CXXVI: Lu porru di S. Petru; ib. v. IV, p. 440, прим. къ № CXXVI, и v. I стр. CXLI — II.

[2]) Приведено у Аѳанасьева, Лег. 134 — 135.

[3]) См. цитату у Аѳанасьева l. c. 130 прим. 1.

мѣстомъ, съ объективно-повѣствовательною цѣлью, напр. въ повѣстяхъ о трудномъ подвигѣ, возложенномъ на молодца, на пути къ которому ему уготовлены знакомыя намъ диковинныя встрѣчи и спросы[1]). Въ соотвѣтствующихъ эпизодахъ Палеи,

[1]) Сл. Аѳанасьевъ, Нар. Русск. Сказк. № 173; Малор. сказки (Труды этнограф. стат. эксп. въ западно-русск. край снаряж. И. Р. Геогр. Общ. — Югозап. отдѣлъ. Матеріалы и изслѣдованія, собранныя Чубинскимъ, т. 2-й) № 2 и 76; Караџић, Срп. нар. приповијетке № 13 и др. Сл. литературу этого сказочнаго мотива у Бенфея, Pantschatantra I стр. 322—3 и 394—397 и прим. 1) на стр. 395; Аѳанасьевъ, Н. Р. С. томъ IV, прим. къ № 173; Teza, I tre capelli d'oro del Nonno Satutto. Bologna, 1866. — Интересно, что въ разсказъ Дзангглуна, къ которому приравниваютъ нашъ Шемякинъ судъ, вставленъ мотивъ встрѣчъ и спросовъ на пути: брахмана (бѣднаго брата нашей сказки), котораго ведутъ на судъ къ царю, просятъ поочередно воронъ, змѣя и молодая женщина, чтобъ онъ разузналъ и объ ихъ участи. — Для литературной исторіи этого сказочнаго цикла въ высшей степени важенъ текстъ, напечатанный Даничичемъ по рукописи начало XVI вѣка и еще разъ указывающій, какъ глубоко залегли въ старинной письменности корни, питающіе современную намъ народную словесность. Я разумѣю «Повѣсть ѡть книгы нарицаемїе лѣтописьць ѡ слоужбѣ дѡстовѣрной и достохвалнѣмь исповѣдани и о зависти злобной иже ѡть начела вь насъ (Starine, knjiga IV, стр. 64 — 7). Въ странѣ Евоуса жилъ Неврodь, «сплою и властїю великь, ѡтъ сыновь Ноевь, по Ханаанѣ петы». У него служилъ нѣкій мужъ, «сь вѣрою ѥкоже лѣпо есть, и вь слоужбѣ тои прѣбысть слоуже ѥко .и. лѣть», и господарь обѣщалъ упокоить его и воздать ему честь — но почему-то не исполнялъ того. Служитель идетъ къ волхву спроситъ, какая тому причина. На пути сидитъ дѣвица: «сьтвори любовь, вьпроси и за ме, говоритъ она ему, ѥко есьмь дѣвица .и. лѣтъ и никто прошает ме вь женоу себе; а на вьсако дѣло женьско хытра есьмь и достоина есмь доброу моужоу домь дрьжати». — Вторая встрѣча: четыре мужа, сидящихъ на пути, просятъ его: «се ми братїа есмы, и се .н. лѣтъ блоудимъ по полоу семоу и не можемь поута оправити». Третья встрѣча: дубъ говоритъ ему: «се зде стое .р. лѣть и виждоу окрьсть себе дрѣвеса плѡдь творешта; азь-же стою бесьплодьнь зде. сьтвори любовь, вьпроси и за ме». Служитель исполняетъ всѣ порученія, узнаетъ и о себѣ и въ заключеніи женится на дѣвицѣ. — Судьба четырехъ мужей и дѣвушки объясняется ихъ предъидущими проступками; неплодность дуба тѣмъ, что въ корняхъ его много золота. Какъ видно, это совершенно сказочнаго тема. — Даничичъ (l. c. 64) предполагаетъ, что оригиналъ статьи былъ греческій.

(человѣкъ бродящій въ водѣ и не могущій напиться, человѣкъ пьющій воду, между тѣмъ, какъ она изъ него снова изливается), въ Вопросахъ и Отвѣтахъ (сытый и тощій кони) толкованіе отличается характеромъ непосредственнаго практическаго примѣненія; эсхатологія Сновъ не выходитъ изъ его предѣловъ, хотя и относитъ примѣненіе въ далекое будущее. Къ этому стилю Сновъ возвращаетъ насъ слѣдующая нартская сказка [1]), хотя и въ нее уже замѣшался элементъ мытарствъ: мальчикъ, изливающій кровь и рвоту, наказанъ такъ за непочтеніе къ отцу и матери.

«Сосланъ былъ мужъ очень тихій. Но, бывало, когда Нарты совершали наѣзды, то прежде Сослана никто ничѣмъ не воспользуется. Однажды, Нарты собирались, говоря: «Пусть никто не ѣдетъ съ Сосланомъ». Такимъ образомъ они тайно, не давъ знать Сослану, отправились. Одна одиночная женщина кликнула къ Сослану: «Сосланъ, какъ-же ты здѣсь?» — «Такъ гдѣ-же мнѣ быть?» отозвался Сосланъ. — «Нарты отправились совершать наѣзды, и оказывается, что они тебя оставили», сказала одиночная женщина. Тогда Сосланъ вскричалъ: «Скорѣе лошадь мою!» и погнавшись за ними, не догналъ ихъ уже. Вотъ онъ и говоритъ: «Поѣду все таки» и направился по одной дорогѣ, какъ вдругъ видитъ околѣвшую суку, изъ брюха которой лаяли щенки. Онъ удивился: «Много ѣзживалъ, много видалъ удивительнаго, но такого чуда не видѣлъ никогда». Много надивившись, отправился онъ далѣе по этой-же дорогѣ. Нашелъ онъ клубокъ бумажныхъ нитокъ; началъ онъ наматывать на древко плети и никакъ не могъ покончить. Потомъ, когда наскучило ему наматываніе, онъ бросилъ клубокъ и отправился далѣе по тому-же пути. По-надъ дорогой лежитъ сумочка, въ которой что-то такое, величиной съ человѣческую голову. Онъ попробовалъ съ лошади достать ее, но не могъ. Слѣзъ онъ съ лошади и попытался поднять, — опять ему не подъ силу. Началъ онъ горевать: «О Боже! силы у меня

[1]) Сборникъ свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ вып. V, 1871 г.: Осетинскія народныя сказанія.—Нартовскія сказанія стр. 35—37: Сосланъ.

ужь нѣтъ! бывало, съ лошади поднималъ я всадника съ конемъ, а это не больше человѣческой головы: какъ же я не могу поднять?!» Пошелъ онъ и вырубилъ подпорку, но и съ нею ничего не могъ сдѣлать, а потому отправился дальше. Ѣдетъ и видитъ: чевякъ съ лаптемъ грызутся, — словомъ дерутся на славу. Много онъ подивился: «О Боже, которому нѣтъ товарища, что это такое, что за удивительное дѣло?! И зачѣмъ они дерутся?» Отправился онъ и оттуда, пріѣхалъ къ одному склепу и видитъ: сидитъ мальчикъ нагой, какъ мать его родила, и изливаетъ носомъ кровь, а ртомъ рвоту. Подивился онъ и этому и сказалъ: «Должно быть, онъ что нибудь выплачиваетъ!» Пріѣхалъ онъ къ Сайнагъ-Алдару и слѣзъ у воротъ его. Тотъ вышелъ къ нему и сказалъ: «здравствуй». Ночь онъ провелъ въ его кунацкой. Увидѣлъ онъ у него красивую дѣвушку, такую, что блестѣла. Сосланъ узналъ, что она дочь Алдара; онъ представился, говоря: «Я Сосланъ Нартовскій», и посватался. Сговорились. Уплатилъ онъ калымъ изъ собственнаго кармана. Потомъ, сидя и бесѣдуя съ Алдаромъ, началъ онъ ему разсказывать новости. Разсказалъ ему сперва первую новость и спросилъ, что она означаетъ. «Ничего здѣсь нѣтъ удивительнаго, а если и этого не понимаешь, такъ ты не мужчина. Это (т. е. лаяніе щенковъ) означаетъ то, что настанутъ такія времена, когда снизу вверхъ будутъ говорить и не будутъ спрашивать старшаго». — «Отправился я, сказалъ Сосланъ, и нашелъ на дорогѣ клубокъ бумажныхъ нитокъ. Началъ я его наматывать на плеть и никакъ не могъ кончить, а потому бросилъ, — наскучило». Тотъ засмѣялся и говоритъ ему: «И это не удивительное: клубокъ котораго хватитъ отъ одного конца неба до другаго, ты думалъ кончить?! — «Отправился я оттуда и нашелъ одну сумочку, пытался сперва поднять ее съ лошади, потомъ слѣзъ къ ней; но и такъ и посредствомъ подпорки пробовалъ хоть подъ нее свѣту пропустить, ничего не смогъ; хотя я поднималъ всадника съ конемъ, а ее никакъ не могъ поднять». — «Какъ тебѣ поднять ее, когда она, заключая въ себѣ блага всѣхъ созданныхъ Богомъ странъ, есть вмѣсти-

лище ихъ (благъ)!». Разсказалъ онъ ему потомъ новость о чевякѣ и лаптѣ и спросилъ: «Что-бы это значило?» — «Это значитъ то, что когда неблагородный женится на дѣвушкѣ благородной, то настанетъ время, когда она не будетъ жить съ нимъ», сказалъ Алдаръ. Потомъ Сосланъ разсказалъ о мальчикѣ и спросилъ: «А чтобы это значило?» «Это, солнце, зять нашъ, значитъ то, чтобы ты никогда отцу и матери дурнаго не говорилъ, — вотъ что значитъ. Мальчикъ тотъ отцу и матери дурное говорилъ, а потому теперь, за оскорбленіе ихъ, изливаетъ рвоту и кровь». — Затѣмъ Сосланъ взялъ красивую Сайнагъ-Дѣвицу и пріѣхалъ домой. Нарты-же возвратились съ пустыми руками и сказали: «потому ничего не добыли, что не было Сослана съ нами; онъ же даже жену себѣ привезъ!»

Сказка о Сосланѣ въ особенности интересна для насъ дословнымъ воспроизведеніемъ одного изъ Сновъ Шахаипи съ его объясненіемъ: я разумѣю сонъ о щеницѣ. Мы уже знаемъ, какъ распространены были подобнаго рода символическія темы, дававшія пищу тому или другому толкованію, отвѣчавшему разнообразнымъ интересамъ писателя или его среды. Въ одномъ изъ продолженій Conte du Graal, Chrestien'a de Troies, принадлежащемъ какому-то Gerbert'у, разсказывается о чудныхъ встрѣчахъ Персеваля. Между прочимъ онъ

Salir voit fors d'un buisson
Une beste grant a merveille.
Perchevax toz s'en esmerveille,
Qui de demander est refrains:
Car la beste qui tote est prains
S'en va par devant lui fuiant,
Et dedens li vont abaiant
Si faon, com chien glatissent
Ne de crier ne se tapissent;
Ains les ot-on, mien escientre,
Ausi cler com hors de son ventre
Fuissent issi et le chachassent
Et de li prendre s'esforchassent.

Въ заключеніи они разрываютъ свою мать и сами убиваютъ другъ друга. — Звѣрь означаетъ Seinte-Église; щенки — людей, небрежно стоящихъ въ церкви, отвлекаемыхъ отъ божьей службы мірскими помыслами:

Tels gens ne prisent II. ballois
Sermons ne predications;
Cil senefient les faons
Qui dedens lor mere crierent
Et l'ocisent et devorerent!
Car bien devore sainte Eglise
Cil qui parole en son servise.

Въ прозаическомъ романѣ Perceval li Gallois щенковъ — двѣнадцать и толкованіе приложено спеціально къ Христу, осужденному на смерть двѣнадцатью колѣнами Израильтянъ! (Сл. Birch-Hirschfeld, Die Sage vom Gral, p. 104 — 105, 130 — 131).

Что до приключенія Сослана съ клубкомъ и сумкою, которой никому не поднять, то можно-бы прировнять его къ эпизоду Снорро-Эдды о состязаніяхъ Тора и его спутниковъ въ Утгардѣ; но я предпочитаю указать на «сумочку переметную» нашихъ былинъ, которую напрасно силятся поднять наши «старшіе богатыри» и родственный имъ Аника-воинъ.

Наѣзжаетъ Святогоръ въ степи
На маленькую сумочку переметную;
Беретъ погонялку, пощупаетъ сумочку, — она не скрянется,
Двинетъ перстомъ ее, — не сворохнется,
Хватитъ съ коня рукою, — не подымется.
«Много годовъ я по свѣту ѣзживалъ,
«А эдакова чуда не наѣзживалъ,
«Такова дива не видывалъ» [1]).

Такъ говоритъ и Сосланъ при видѣ первой диковинки: «Много ѣзживалъ, много видалъ удивительнаго, но такого чуда не видалъ никогда». — Въ былинѣ о Микулѣ Селяниновичѣ (Рыбн. I стр. 17 — 22) тяжесть сумки объясняется тѣмъ, что въ ней «тяга зем-

[1]) Рыбниковъ, Пѣсни I, стр. 32—3. Гильфердингъ, XLI—III, № 270 и др.

ная;» въ сказкѣ о Сосланѣ она — вмѣстилище всѣхъ созданныхъ Богомъ благъ. Интересна подробность: въ ней лежитъ что то такое, величиной съ человѣческую голову. Это напоминаетъ талмудическую легенду объ Александрѣ Великомъ: онъ дошелъ до райскихъ вратъ, требуетъ, чтобъ его впустили: онъ властитель земли, Александръ Побѣдитель. Но въ райскія селенія входитъ лишь тотъ, кто побѣдилъ свои страсти, и врата остаются для него закрытыми. Тогда Александръ проситъ райскаго стража дать ему знаменіе, которое онъ могъ бы показывать въ свѣтѣ, какъ доказательство, что онъ заходилъ въ своихъ странствованіяхъ, куда не заглядывалъ ни одинъ смертный. Ему даютъ обломокъ человѣческаго черепа: все золото въ свѣтѣ, положенное на одну чашку вѣсовъ, не можетъ его перевѣсить, пока тотъ обломокъ не покрыли горстью земли. Тотъ обломокъ обнималъ при жизни — ненасытное человѣческое око[1]). — Очень можетъ быть, что слагатели русскихъ былинъ наѣхали на свое невиданное чудо, на переметную сумку съ земной тягой — въ какомъ нибудь легендарномъ сказаніи, въ родѣ талмудическаго, какъ такимъ же путемъ проникли въ народныя загадки и сказки нѣкоторые образы Сновъ, Вопросовъ и Отвѣтовъ и т. п.

Здѣсь необходима оговорка. Я не утверждаю, чтобы такія черты русскаго былиннаго эпоса, какъ эпизодъ съ сумкой, искони вели свое начало изъ какого-нибудь литературнаго источника, но считаю возможнымъ предположить, что иныя подробности древнихъ пѣсенъ подвергаясь вліянію популярныхъ литературныхъ сюжетовъ — если между тѣми и другими оказывалось общее сходство — невольно принимали ихъ освѣщеніе. Сумка могла принадлежать еще древней редакціи былины; но когда богатыри, силящіеся поднять её, погрязаютъ въ землю, и это представляется возмездіемъ за ихъ похвальбу своей силой (слич. напр. Гильф. № 270), мнѣ невольно вспоминается поэтическая легенда

[1]) G. Levi, Parabole, leggende e pensieri raccolti dai libri talmudici. Firenze, Le Monnier 1861 p. 218.

Талмуда. — Похвальбой мотивирова и гибель богатырей на Руси, въ извѣстной о нихъ былинѣ;

А всегда гнило слово похвальное
Похвала живетъ человѣку пагуба,

досказываетъ Повѣсть о Горѣ-Злочастіи.

V.

Матерьялы изслѣдованія, собранные на предъидущихъ страницахъ, далеко не достаточны для опредѣленія точной генеалогіи Сновъ Шахаиши, но они дозволяютъ намъ выставить нѣкоторыя положенія, состоятельность которыхъ можетъ выясниться при большемъ количествѣ собранныхъ данныхъ. Мы встрѣтили нѣкоторые изъ нашихъ сновъ, и въ томъ же эсхатологическо-соціальномъ освѣщеніи, въ одномъ буддійскомъ памятникѣ. Аналогія съ византійской литературой того-же характера не указываетъ необходимо на византійскій источникъ нашего текста, а на восточный прототипъ, который могъ отразиться въ византійской писменности и далѣе сообщиться намъ въ южно-славянскихъ пересказахъ, либо перейти къ намъ съ Востока въ непосредственномъ переложеніи какой нибудь восточной рецензіи. На такой переходъ указываетъ имя Шахаиши, которое мы сблизили съ персидскимъ Шаханшахомъ; насколько нартская сказка, воспроизводящая одинъ изъ нашихъ Сновъ съ его толкованіемъ, можетъ навести на соображенія о путяхъ этого перехода — мы сказать не беремся. Еслибъ этимологія Шахаиши оказалась состоятельной, опредѣлилось-бы для сравнительно древняго времени (во всякомъ случаѣ для XV вѣка) возможность непосредственнаго литературнаго общенія древней Руси съ Востокомъ: общенія, въ кругъ котораго вошли-бы, вмѣстѣ съ Снами Шахаиши, и сказка о Русланѣ-Рустамѣ, и Судъ Шемяки и восточная повѣсть, принятая въ сборникъ 1001 Ночи и отразившаяся въ русской былинѣ о Подсолнечномъ царствѣ.